„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 1-2 (405-406)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши, Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 дол., за ½ г. — 3 дол., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

25 Января 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Сталинский парламент

С 12 по 19 января, за 8 дней, из которых 2 были свободны от заседаний, сталинский парламент успел закончить свою сессию. Трех отдельных 3-часовых заседаний каждой палаты в отдельности и трех совместных заседаний обеих палат Верховному Совету оказалось достаточно, чтобы выполнить — за 18 часов! — «гигантскую работу» («Пр.», 13 янв.). Награжденные правом бесплатного проезда по ж. д. и водным путям, 1000-рублевым ежемесячным дополнением к их обычному бюджету и обещанием 150 рублей суточных за время сессий, депутаты раз'ехались по домам, не забыв прокричать на прощание еще раз «ура товарищу Сталину» и послать в газеты кучу писем о полном своем удовлетворении трудами, понесенными на пользу социалистического отечества. «На страже интересов народа» («Пр.», 18 янв.) остался лишь возглавляемый Калининым Президиум Верховного Совета, в списке членов которого на скромном 29-м месте числится Иосиф Виссарионович Сталин, да президиумы Союзного Совета и Совета Национальностей, в каждом из которых председателю и его двум заместителям ассигновано «на расходы по сношению с депутатами и на представительство» по 300.000 рублей в год. По конституции полагается, как известно, в 1938 году всего еще лишь о д н а очередная сессия. Когда она соберется, будет-ли столь-же продолжительна и плодотворна, как только что закончившаяся, и будет-ли приказано одной из союзных республик «потребовать» или президиуму В. С. «по своему усмотрению» созвать одну или несколько внеочередных сессий, — этого сейчас, вероятно, и сам Сталин еще не знает.

По существу «гигантская работа» в сталинском парламенте, выгодно отличающемся, по признанию всех большевистских ораторов и публицистов, своею деловитостью от говорилень всего мира, свелась для тысячи с лишним депутатов — за исключением полутора десятка избранников, получивших особые поручения и потому выступавших с речами, — к пению Интернационала (очень хорошо, говорят, пели!), крикам «ура», апплодисментам и единодушному поднятию рук. Не обремененные ни документами, ни материалами, ни дискуссией, депутаты могли с тем большею энергией и воодушевлением действовать своими верхними конечностями и в поистине сверх-стахановском темпе выполнить всю поставленную перед ними программу.

В эту программу входил, во-первых, выбор мандатной комиссии и — на следующий-же день — утверждение ее доклада, констатировавшего, что ни одной жалобы на неправильность выборов не поступило и что поэтому все мандаты должны быть утверждены. В нее входил выбор трех постоянных комиссий — бюджетной, по иностранным делам и законодательных предположений, — и никто не поинтересовался, почему только трех и именно этих, чем и в каком порядке будет заниматься всеоб'емлющая комиссия «законодательных предположений», и другими такого рода вопросами: все предложенное, как и самый состав комиссий, было, разумеется, утверждено единогласно. Столь-же

единогласно и без лишнего говорения были утверждены и предложенные изменения конституции.

Большинство этих изменений касается вопросов административно организационного порядка (образование новых Народных Комиссариатов и новое административное разделение некоторых территорий), но в числе их имеется и предоставление президиуму Верховного Совета права об'являть «военное положение в интересах обороны СССР или для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности». Но и это существенное изменение, которое докладчик Горкин не счел даже нужным как-нибудь мотивировать, а ораторы (Коссиор, Булганин) мотивировали лишь тою «гордостью», которую внушает им «наш славный НКВД и товарищ Ежов», было принято единогласно и восторженно. Невольно вспоминается первое заседание первой сессии 1-й Государственной Думы, когда правительство предложило вновь избранному парламенту прежде всего обсудить деловой законопроект о постройке прачешной при Юрьевском Университете, а говоруны-депутаты требовали постановки в порядок дня вопроса об отмене всех чрезвычайных положений «для обеспечения общественного порядка». Так мизерна была деловитость этого жалкого зародыша российского парламентаризма по сравнению с выросшим из него великолепным сталинским цветком!

Но, помимо перечисленных тем в программу сессии входил и выбор высших учреждений СССР: президиумов обеих палат и В. С. в целом, более того — самого правительства СССР. Ибо — в строго конституционном порядке! — старое правительство вручило Верховному Совету свою отставку. И в том-же порядке Жданов, похвалив «уважаемого наркома Литвинова» и «не требуя немедленного снятия» наркома водного транспорта, обрушился (конечно, совершенно независимо от состоявшегося перед этим пленума ЦК ВКП) на председателя Комитета по делам искусства Керженцева, как Багиров обрушился на наркома юстиции Крыленко и Коссиор на председателя Комитета заготовок Кольцова. И что-же? Именно эти три лица были выведены из состава нового правительства, образование которого было поручено тому-же Молотову, председателю старого. Совсем как в самых лучших буржуазных парламентах! С одной только разницею: в парламентах говорильнях, подобных французскому или английскому, с образованием нового правительства парламентская работа начинается: обсуждают правительственную программу, делают запросы правительству и ставят ему вопросы. Деловой сталинский парламент тем и отличается, что ни одному депутату и в голову не пришло поинтересоваться, будет-ли, напр., и дальше продолжаться кроваво-грязная оргия процессов, расправ и чисток; наоборот, в самый момент образования нового правительства депутатам было сказано: расходись, ребята, по домам!

Как видим, деловитость сталинского парламента, официально восхваляемая, как одно из достижений сталинского социализма, на деле весьма похожа на деловитость парламентов германского и итальянского, где говоруны тоже не в чести. Но есть весьма существенная разница. В Германии и Италии диктаторы-единодержавцы делают свой лже-парламент и всю связанную с ним систему государственных учреждений формальной базой своей власти, официально возглавляют государственную иерархию. Советский единодержавец — повидимому, после долгих колебаний — не решился занять высший государственный пост председателя президиума В. С. Это значит, что и после проведения самой совершенной демократии он своему государственному аппарату не доверяет и предпочитает держать его под обстрелом со стороны — из амбразур генерального секретариата партии, через Ежова интимно связанного с «нашими славными наркомвнудельцами». И весьма вероятно, что в своем недоверии он не совсем неправ. Ибо сталинская диктатура аппелирует совсем к другим слоям, к другим чувствам и настроениям, и другим идеям и формулам, чем диктатура Гитлера и Муссолини.

Германский и итальянский парламенты являются открытым отрицанием демократии, вызовом и издевательством над нею. А сталинский парламент вынужден именно к демократии аппелировать, усваивать, как мы видели, ее внешние формы, тем резче подчеркивая непримиримое противоречие между демократическими словами и авторитарно - единодержавными делами, стимулируя наростание демократических навыков мышления в стране и одновременно наглухо захлопывая все двери для практически политического осуществления этих навыков и всем этим не цементируя режим сталинской автократии, а разлагая его. Ибо ничего нет более опасного для такого режима, как дразнить демократические аппетиты, не давая им в то же время никакого удовлетворения! Первая сессия В. С. как будто «целиком и полностью» выполнила возложенную на нее миссию — прикрыть сталинское единодержавие плебисцитарно-демократическим плащем и тем укрепить его. Но всегда-ли и долго-ли будет выполнять он эту миссию, — это еще вопрос. И отнюдь нельзя считать а-приори исключенной возможность такого исторического парадокса, что этот, стопроцентно послушный сталинский парламент и окажется в ходе дальнейшего развития той инстанцией, которая, — как того, повидимому, опасается и сам Сталин, — свернет шею сталинской диктатуре.

Он может оказаться такой инстанцией в двояком смысле: как орудие в руках дворцовых заговорщиков и переворотчиков, которые заменят хаос кровавого произвола сталинской автократии гражданско правовым порядком открыто контр революционной диктатуры, или как орудие воли трудящихся масс, заменяющих эту автократию режимом демократической свободы. Но непременной предпосылкой этого второго исхода является рост политического сознания трудящихся масс, их способности к упорной, организованной борьбе, их уменья использовать в интересах этой борьбы все те рычаги, которые создаются советской действительностью.

О необходимости настойчивой работы над развитием политического сознания и организованной самодеятельности масс прежде всего и напоминает всем, кому дороги интересы демократии и социализма, печальная первая сессия сталинского парламента.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Ф. ДАН.

Очаги войны и "мировой пожар"

Шведский «Социалдемократ» устроил новогоднюю анкету на тему: несет-ли с собою 1938 год войну? По поводу анкеты Вандервельде в одной из недавних статей своих в Брюссельском «Пэпль» замечает, что самая постановка вопроса вызывает недоумение. Ответить на него, что война представляется возможной и даже вероятной, значит сказать один из тех трюизмов, ради регистрации которых не стоило затевать анкету. Ответить — положительно или отрицательно — окажется-ли именно 1938 год тем годом, когда разразится война, значит пуститься в пророчества в той области темпов и сроков, которая менее всего поддается учету и в которой поэтому и величайшие политические гении ошибались особенно часто. И, главное, авторы анкеты как будто упустили из виду тот факт, что уже при самом рождении своем 1938 год застает войну не как возможность или вероятность будущего, а как неоспоримое явление современности: война уже пылает на двух противоположных точках земного шара — европейском испанском Западе и азиатском китайском Востоке.

Тов. Вандервельде совершенно прав. Спрашивать приходится не о том, чревато-ли ближайшее будущее войною, а лишь о том, грозят-ли те местные очаги войны, которые уже горят ярким пламенем, зажечь «мировой пожар», т. е. пожар войны, которая еще в гораздо большей степени охватит весь мир, чем последняя, по преимуществу европейская, мировая война. И то наследство, которое только что истекший год оставляет своему преемнику, позволяет, кажется, с полною определенностью (оставляя опять-таки в стороне темпы и сроки) ответить утвердительно на этот роковой для человечества вопрос. Да, опасность перерастания уже пылающих местных войн в войну мировую представляется на пороге 1938 года столь великою и грозною, как никогда! Да, из этих местных очагов войны непременно возгорится пламя «мирового пожара», если внешне- и внутренне - политическая картина мира не изменится в ближайшем-же будущем самым существенным образом! Внешне- и внутренне - политическая, потому что никогда еще эти две сферы жизнедеятельности общества не были так неразрывно связаны друг с другом, как в ту эпоху декаданса и отчаянной борьбы за самосохранение, какую переживает ныне капиталистический мир.

В августе 1935 года Муссолини начал свой поход на Абиссинию. В этот момент нужно было только энергичное проявление воли к миру со стороны демократических держав Европы — Англии и Франции, чтобы остановить этот поход. Не приходилось поднимать и речи о применении «силы оружия». Достаточно было закрытия Суэцкого канала и финансовой и экономической блокады фашистского правительства Италии, прежде всего — лишения его сырья и нефти, чтобы поставить зарвавшегося диктатора на колени. Самые жизненные «империалистические» интересы Англии и Франции требовали, казалось, решительных шагов в этом направлении. И однако-же эти шаги предприняты не были: постыдная история «санкций» у всех в памяти!

Откуда-же этот паралич воли? Ответ ясен. Закрыть Суэцкий канал, серьезно применять «санкции»... Но, ведь, какой это колоссальный урон прибылям тех магнатов капитала, которые не только в «нейтральных» странах, но и в «отечествах», империалистическим интересам которых непосредственно угрожает Италия, держат в своих руках акции канала и источники сырья и нефти! Поставить на колени фашистского диктатора... Но, ведь, какую угрозу революции в Италии может создать его явное банкротство, и какой великой опасностью для всего «существующего строя» может оказаться эта революция! Так не осторожнее-ли щадить «престиж» диктатора? Так не лучше-ли, подстрекая исподтишка абиссинцев к сопротивлению обещанием «санкций», на деле превращать эти «санкции» в комедию и, затягивая таким образом войну, наживаться на поставках обеим воюющим сторонам? И не разумнее-ли реагировать на возростающую в результате этого затягивания военную опасность, лишь усилением своих собственных вооружений? Правда, скачка вооружений — это накопление горючего материала, который рано или поздно вспыхнет пламенем чудовищной мировой войны, но, ведь, пока что это, наряду с искусственным уменьшением продукции и истреблением произведенных ценностей, одно из немногих действительных средств, имеющихся еще в распоряжении упадочного капитализма для борьбы с раз'едающей его неизлечимой гангреной кризиса...

Полная победа итальянского фашизма в восточном бассейне Средиземного моря не только активизировала энергию его германского собрата, поспешившего занять своими войсками и укрепить демилитаризованную прирейнскую зону, но и положила начало тесной кооперации обоих фашизмов, предпринявших совместно завоевание Испании для создания военного форпоста против Англии и Франции и в западном бассейне этого моря и в этой войне окончательно выковавших пресловутую «Ось Рим-Берлин».

Превращение всего Средиземного моря в сплошной военный плацдарм совершенно очевидно усиливало военную опасность и заранее расширяло рамки возможной будущей войны во всяком случае до рамок войны общеевропейской. Это не помешало тому, что и по отношению к испанской войне — теперь уже не итальянского только, а итало-германского фашизма — Англия и Франция заняли, под флагом «невмешательства», по существу ту-же самую позицию, которую они занимали по отношению к войне абиссинской.

Теперь, в 1936 году, им, конечно, надо было держать наготове уже гораздо более внушительные вооруженные силы, чтобы мирными средствами экономических и финансовых «санкций» добиться отступления фашистских близнецов. Но этих вооруженных сил у них во всяком случае было в это время достаточно, чтобы выполнить эту задачу. И если они все-же даже не поставили ее перед собою, то исключительно под давлением тех-же опасений и интересов (к которым теперь присоединились и специальные интересы английских и французских держателей акций железных, медных и ртутных рудников Испании и испанского Марокко), которые сыграли такую роковую роль год тому назад. Единственной реальной реакцией мирных демократических государств на усилившееся наступление фашизма и на возросшую вследствие этого военную опасность оказался новый и на этот раз гигантский рост вооружения Англии и Франции, отозвавшийся таким же ростом вооружения всех других, более мелких стран, не гово-

ря уже о самих фашистских агрессорах: капиталистический мир не нашел других способов тушить костер военной опасности, как сыпать в него целые бочки пороха! И если германо-итальянскому фашизму не удалось все-же до сих пор встать твердой ногой на испанском полуострове и сейчас-же приступить к новым военным предприятиям, то этим мы обязаны исключительно испанским республиканцам: только их героическая борьба спасает до сих пор мир в сердце Европы.

Но эта борьба не могла спасти мира в далекой Азии. Наоборот, расширение зоны военной опасности в Европе, связывающее военные силы европейских великих держав, послужило прямым поощрением для Японии придать широкий размах операциям по завоеванию Китая, которое она начала еще в 1931 году, проглотив без помехи Манчжурию, и которое с тех пор вела систематически. Под лживым прикрытием «пакта о борьбе с коммунизмом» ось Рим-Берлин превратилась в 1937 году в треугольник воинствующего фашизма, своим основанием упирающийся, с одной стороны, на крайний европейский Запад, с другой, на крайний азиатский Восток. Зажигая очаг военной опасности на Тихом океане, угрожая не только Китаю, не только европейским державам, имеющим такие крупные интересы на Дальнем Востоке, но и Соединенным Штатам Америки, более того — ставя в порядок дня азиатский колониальный вопрос после того, как Муссолини поставил в порядок дня африканский, нападение Японии на Китай окончательно «универсализирует» военную опасность, создает все условия для превращения грозящей войны в «мировую» в самом полном и тесном смысле этого слова. Речь идет уже не об общеевропейской войне, в которой участие Японии было скорее символическим и лишь в заключительной фазе которой сыграла решающую роль Америка, а о подлинном «мировом пожаре», пламя которого с первого-же дня войны охватить все континенты земного шара без исключения.

Но и перед лицом этой страшной и всем ясной перспективы мирные и демократические державы оказываются неспособны преодолеть парализующее их безволие и хоть теперь со всею решительностью приступить к тем экономическим и финансовым «санкциям», которые еще могли бы сломить воинствующий напор «треугольника» и спасти мир. Теперь военных сил Англии и Франции уже недостаточно, чтобы обеспечить мирное проведение этих санкций. Теперь их флот в значительной степени уже связан в Средиземном море, которое при их попустительстве итало-германский фашизм превратил в сплошной военный плацдарм. Теперь им приходится расчитывать на сотрудничество и с американским флотом. Но и американские капиталистические клики мазаны тем-же елеем, что их европейские собратья. В противоположность императрице Елизавете все они больше всего дорожат «интересной прибылью», хотя бы она шла не только от «врагов Христовых», но и от врагов «отечества», в пламенной любви к которому они распинаются. И все они одинаково скованы страхом перед теми революционными последствиями, какие может иметь крушение «авторитарных» режимов в Италии и Германии, и тем влиянием, какое революционный переворот в Японии или военно-якобинское возрождение китайской революции могут оказать на судьбы колониальных империй. И вот почему, кроме попыток «договориться» с Гитлером, столь-же безнадежных и чреватых столь-же опасными последствиями, как долголетние попытки «сговориться» с Муссолини, единственно реальной реакцией демократических держав на новое усиление мировой военной опасности оказывается, вопреки превосходным речам Рузвельта и других государственных деятелей, опять-таки еще более бешеная скачка вооружений, которая, по вычислениям статистиков, уже сейчас стоит народам по 1 миллиарду франков в день!

А одновременно с этой скачкой вооружений, обрекающей народные массы на нищету и подготовляющей

С. ШВАРЦ.

За единство рабочего класса СССР

Установился уже определенный ритуал: происходит-ли празднование 20-летия Октября или 750-летия Шота Руставели, выборы в Верховный Совет или открытие клуба имени горячо любимого товарища Ежова, — речи праздничных ораторов на рабочих собраниях неизменно возвращаются все к одной и той же мысли: «где, в какой другой стране» возможен такой под'ем рабочего класса, такой расцвет его благосостояния?» Мысль эта тут же облекается в плоть и кровь: один за другим на трибуну входят рабочие и рассказывают о своей жизни, о годах упорной борьбы с горькой нуждой в прошлом и о своем счастьи и благосостоянии в настоящем. И ведь это действительно факт: сейчас уже имеются в Советском Союзе не отдельные лишь рабочие, а целый слой рабочих, материально — а часто и культурно — значительно поднявшихся за последние годы и проникнутых новым, наивно - оптимистическим мироощущением. Вопрос однако в том, является ли под'ем верхушки рабочего класса отражением под'ема рабочих масс, является ли картина сегодняшнего благосостояния сотен и тысяч прообразом и предвестником завтрашнего благосостояния миллионов. Или иначе: является ли сегодняшняя рабочая аристократия лишь авангардом всего рабочего класса, идущего к благосостоянию и быстрому под'ему? Или рабочая аристократия все более удаляется, все более отрывается от рабочих масс? И не раскрывается ли пропасть между условиями существования рабочей аристократии и широких масс рабочего класса?

***

Остановимся прежде всего на нескольких средних числах. Какого уровня достигла заработная плата в среднем в 1937 году и велико ли повышение уровня заработной платы в 1937 году по сравнению с предыдущим годом? Ответ на этот вопрос дает следующая таблица (все данные относятся к годовой заработной плате) *):

	1936	1937			
	Факт. уровень	План	Фактический уровень		
				В % к плану	% к 1936
	в тыс. руб.	В тыс. руб			
Тяжелая промышленность	3.271	3.482	3.367	96,7	102,9
Легкая »	2.345	2.484	2.357	94,9	100,5
Пищевая »	2.396	2.505	2.411	96,2	100,6
Лесная »	2.407	2.485	2.375	95,6	98,7

*) Данные о фактическом уровне заработной платы в 1936 году и о плане на 1937 г. заимствованы из мартовской книж-

поистине космическую разрушительность будущей войны, рушатся и все плотины, воздвигнутые за последние 20 лет для охраны мира — Лига Наций, система коллективной безопасности и т. д. Никакие «блестящие» показные успехи поездки, совершенной французским министром иностранных дел, не могут скрыть того факта, что малые государства, и даже союзные Франции малые государства, разочарованные в способности великих держав спасти их от фашистских агрессоров, пытаются каждое на свой риск и страх столковаться с этими агрессорами. Голландия выступает инициатором фактического признания итальянской «империи». Югославия и Румыния совершенно недвусмысленно протягивают свои руки Берлину, Риму и их испанскому вассалу. И даже Чехословакия, как показывает ее плачевное поведение по отношению к германской и австрийской эмиграции, сделавшее уже невозможным появление в ее пределах сначала австрийской «Арбейтер-Цейтунг», а теперь и германского «Форвертса», ищет перестраховки в безнадежных попытках умилостивить Гитлера...

* * *

Как видим, 1937 год оставил печальное наследие своему преемнику. Количество очагов военной опасности не уменьшилось, а увеличилось, вероятность «мирового пожара» не умалилась, а возросла. Трудно сомневаться в желании демократических держав сохранить мир. И однако, вся их бурная дипломатическая деятельность за последний год с ее бесчисленными заседаниями, конференциями, комитетами, поездками, речами и резолюциями, привела не к укреплению шансов мира, а к ослаблению их: факторы внутренне - политического порядка парализовали их мирную внешнюю политику и осуждали ее на поражение.

И нельзя даже сказать, чтобы этими внутреннеполитическими факторами были *классовые* интересы капиталистов демократических стран. Нет, мы видели: империалистические, обще национальные, классовые интересы капитализма этих «насыщенных» стран как раз и требовали бы решительной политики мира, которая в наличных условиях только и может быть политикой решительного противодействия германо итало-японской агрессии. Но проклятие упадочного капиталистического мира в том и состоит, что раздирающие его и конкуррирующие между собою капиталистические группы и клики оказываются уже не в состоянии подчинить свои противоречивые интересы общему классовому интересу, оказываются не в состоянии «конституироваться в класс». Или точнее: подобно римским патрициям эпохи упадка, они оказываются в состоянии выступать как класс, лишь отказываясь от своего классового первородства, лишь «передоверяя» свое классовое представительство цезарю, фюреру, дуче, воинственному по самой социальной природе своей, но имеющему в их глазах то неоспоримое преимущество, что, узурпируя политические и «хозяйские» права всех капиталистических клик, он всем им обеспечивает подавление готовых взбунтоваться наемных рабов, составляющее их самый элементарный общий интерес.

Вот почему воинствующая внешняя политика авторитарно-фашистских капиталистических государств неизменно оказывается, несмотря на их относительную военную слабость, гораздо последовательнее, динамичнее и успешнее, чем мирная политика государств капиталистической демократии. Вот почему фашизм становится все больше предметом почтительного удивления и зависти капиталистических классов и демократических стран. И вот почему фашистские настроения этих классов делают громадный скачек каждый раз, как трудящиеся классы приходят в движение.

А между тем только в усилении влияния и конечной победе этих классов спасение мира, который неспособны уже спасти капиталистические классы демократических стран и которому прямо угрожает капитализм стран авторитарных. *Победа социализма и победа мира — это не две особые за-*

Таблица эта в двух отношениях представляет большой интерес. *Во-первых*, она обнаруживает, что по всем четырем группам промышленности *фактический уровень заработной платы в 1937 году оказался ниже плана*. Это случается *впервые*. До сих пор движение заработной платы всегда обгоняло плановые наметки. При этом уже и плановые наметки по заработной плате на 1937 г. были исключительно скромны (по тяжелой промышленности намечалось повышение среднего уровня заработной платы на 6,5%, по легкой на 5,9%, по пищевой на 4,5%, по лесной на 3,2%). *Во-вторых*, из таблицы выясняется, что *уровень заработной платы в 1937 г. в среднем лишь очень незначительно поднялся над уровнем предыдущего года, а по промышленности Наркомлеса даже опустился ниже 1936 года*.

Это в среднем. Но в то же время у верхнего слоя рабочих заработки поднялись очень значительно и толщина этого слоя заметно возросла. Если еще три-четыре года назад число рабочих, получающих заработную плату, обеспечивающую определенное — относительное, конечно, — благосостояние, было ничтожно, то сейчас это уже значительный слой, достигающий, может быть, 10-15, в некоторых отраслях промышленности 20 процентов. Вот, напр., в угольной промышленности Донбасса число стахановцев, выполняющих систематически 2-3 нормы (а это высший слой стахановцев, так называемые мастера угля, пользующиеся относительно большим достатком), достигло в декабре 1937 года 25-30 тысяч («Индустрия», от 5-го января), т. е. перевалило за 10% общего числа рабочих и служащих угольной промышленности Донбасса. А между тем и среди стахановцев, не доработавшихся до звания мастеров угля, немалую часть нужно отнести по их матерьяльному положению к рабочей аристократии. В черной металлургии юга число стахановцев достигло к 1-му декабря 27,3%, на нефтепромыслах восточных районов 21,4%, в коксохимической промышленности даже 34,3% («Труд», от 31-го декабря). Пусть это частью раздутые числа, и далеко не все стахановцы достигли благосостояния. Но факт существования более или менее значительного слоя рабочих, по своему жизненному уровню составляющего рабочую аристократию, уже не может вызывать сомнения, и как раз за последние два года слой этот заметно расширился.

Но если средний уровень заработной платы остался почти без изменения и в то же время верхний слой рабочего класса поднялся и заметно расширился, то это значит, что *уровень заработной платы громадного большинства рабочих да-*

ки «Планового Хозяйства» за прошлый год; данные о фактическом уровне заработной платы в 1937 г. **исчислены** по «програме производства промышленности на 1938 г.» («Правда» от 29-го ноября), в которой приводятся данные о планируемой заработной плате на 1938 г. и о % роста заработной платы по сравнению с фактическим уровнем ея, достигнутым в 1937 году.

дачи, это лишь две стороны одной и той-же задачи. Только революция в Германии, Италии, Японии могла бы уничтожить очаги военной опасности. Только приход к власти пролетариата в Англии, Франции, Соединенных Штатах мог бы затушить эти очаги и предотвратить мировую катастрофу. Без нового внутренне политического фундамента самые продуманные внешне - политические планы в защиту мира неизбежно превратятся в воздушные замки. В наше время нельзя уже действенно бороться за мир, не борясь одновременно за социализм.

В этой связи пора, наконец, вспомнить о Советском Союзе, этой революционной стране, которая могла бы и должна бы сыграть решающую роль в борьбе трудящихся масс всех стран за социализм, а потому и за мир. И если до сих пор мы могли рассматривать перспективы войны и мира, не упоминая о Советском Союзе, то это — не столько следствие литературной архитектоники нашей статьи, сколько симптом катастрафического падения решающего значения Союза в судьбах мира, симптом угрожающего превращения его из суб'екта международной политики в об'ект ее.

Конечно, всякий социалист и революционер, более того — всякий честный демократ и искренний поборник мира не может не желать, чтобы Советский Союз стоял, как несокрушимый оплот мира посреди несущихся отовсюду вихрей войны, чтобы он был тою осью, вокруг которой вращались бы и к которой тяготели бы мирные силы всего земного шара, той крепостью, на которую могли бы с уверенностью опираться трудящиеся всего мира в своей двуединой борьбе за мир и социализм. Но, чтобы утверждать, что действительность соответствует этим желаниям или хотя бы развивается в их направлении, надо быть слепым или сознательно закрывать глаза на то колоссальное падение доверия к военной, хозяйственной и политической крепости Советского Союза, которое вызвали во всем мире кровавые расправы, сопровождающие бонапартистскую эволюцию сталинской диктатуры, и на ту волну разочарования и парализации энергии, которая захлестывает широчайшие трудящиеся массы всего мира под влиянием этой эволюции.

Физические и материальные рессурсы Советского Союза остаются, конечно, и при всех условиях останутся достаточно гигантскими, чтобы и агрессивные, и мирные державы учитывали их во всяком случае не меньше, а, вероятно, больше, чем они учитывали четверть века тому назад рессурсы Российской Империи. Но такъ же, как и тогда, они учитывают их все больше, как один из элементов — положительный или отрицательный — своей политики, потому что политическая инициатива все более ускользает из слабеющих рук сталинской диктатуры, потому что диктатура эта все больше теряет способность и возможность вести самостоятельную политику, достойную революционной страны и пролагающую новые пути борьбе за мир.

Конечно, полтора года тому назад Советский Союз поставкой оружия спас республиканскую Испанию, и это спасение составляет предмет его законной гордости и славы. И конечно, Литвинов и другие представители советского правитетльства произносят в Лиге Наций и других международных сборищах превосходные речи, обличающие постыдную слабость и непоследовательность мирной политики великих демократических держав и их попустительство фашистским агрессорам. Но, в конце концов, спасение Испании — это все-же лишь отдельный и, если можно так выразиться, окраинный и потайной эпизод в общей системе внешней политики сталинской диктатуры. И самые лучшие речи Литвинова, быть может значительно превосходящие речи Рузвельта, Идена и Дельбоса, это все-же лишь речи. На деле-же сталинская диктатура ни разу не пустила в ход против нарушителей мира тех средств, которые находились в ее собственных руках и для применения которых ей не надо было ни чьего разреше-

---

же несколько снизился. Для 1937 года вывод этот уже не может вызывать никаких сомнений.

В советской печати нередко мелькают сообщения о достигнутом в 1937 году повышении среднего уровня заработной платы в той или иной профессии или в том или ином предприятии. Если это повышение сколько-нибудь значительно, оно с несомненностью свидетельствует о понижении заработной платы в других профессиональных группах или предприятиях, а в большинстве случаев повышение среднего уровня и в пределах поднявшейся группы или поднявшегося предприятия достигнуто благодаря под'ему лишь рабочей верхушки при громадном отставании подавляющего большинства. Иллюстрирую это одним примером.

На Харьковском Электротехническом заводе им. Сталина весною прошлого года было произведено выборочное обследование, которое должно было выяснить, каково оказалось влияние незадолго до того введенных новых норм выработки на уровень заработной платы. В цехе М-6, где в связи с повышением норм выработки расценки были на 16% понижены, средняя заработная плата даже чуть-чуть поднялась: на 1,1%. «Но что кроется за этим средним благополучием?» У 52% заработная плата несколько повысилась, у 5,6% осталась без перемен, у 42,4% упала. В цехе А-2 положение еще тревожнее: здесь нормы выработки были повышены на 36,5%, расценки понижены на 27,8% и в то же время заработки в среднем повысились на 2%. Но повышение констатировано лишь у 35,7%, заработок остался на прежнем уровне у 2,1%, и заработок понизился у 62,2% рабочих («За Индустриализацию» от 29-го мая 1937 г.).

При среднем заработке по всей промышленности по плану на 1937 г. в размере 242 рублей в месяц (в действительности, как показано выше, уровень этот едва ли был достигнут), громадное большинство рабочих и служащих зарабатывало в 1937 году в месяц менее, очень многие значительно менее 200 рублей. Это значит при теперешнем уровне цен, что миллионы советских рабочих и служащих находятся на уровне нищеты.

Советские газеты не любят об этом писать, они предпочитают развлекать своих читателей рассказами о тысячных заработках наиболее преуспевающих стахановцев. Но время от времени даже и в советскую печать прорываются сообщения о крайних фактах нищенской оплаты труда в Советском Союзе.

В ламповом цехе Харьковского завода «Свет Шахтера» «лучшая стахановка цеха Мазниченко, значительно перевыполняющая нормы, работая на заточке стоек, вырабатывает в день 4 р. 81 к.» («За Индустриализацию» от 15-го августа 1937 г.). Каковы же здесь заработки громадного большинства рабочих? — В цехе металлургических ремонтов Макеевского завода рабочие, занятые очисткой шлаковиков печи, работая «в очень тяжелых температурных условиях», зарабатывают иногда лишь 48 к.—60 к.—69 к.—74 к.—1 р. 8 к.—1р. 22 к. в день («За Индустр.» от 28-го сентября 1937 г.). Не в час, а в день! Как складывается месячный бюджет этих рабочих, даже и представить себе невозможно. — Но если в промышленности месячный за-

ния или согласия. На деле она ни на минуту не прекращала и не прекращает снабжения и Германии, и Италии, и Японии всем сырьем и всеми горючими средствами, которые нужны им для войны, — от марганцевой руды до нефти. И совершенно не исключена парадоксальная возможность, что в двигателях испанских аэропланов, спасающих республику, и аэропланов итало-германских, истребляющих этих спасителей, сгорает нефть из одной и той-же бакинской скважины. Сталинская диктатура, несомненно, хочет мира еще больше, чем какие бы то ни было мирные державы. Но она с каждым днем все больше утрачивает способность и возможность бороться за мир *иначе*, чем борятся страны капитализма: она не «стоит во главе» борьбы за мир, а плетется в хвосте ее...

И военно - политический, и социально - революционный потенциал Советского Союза катастрофически падает под влиянием эволюции сталинской диктатуры к бонапартизму. Вместе с тем падает и эффективность его борьбы за мир. Поэтому, если эта эволюция будет продолжаться, политика Советского Союза будет так же мало способна предотвратить перерастание тех местных войн, которые уже взрывают мир в Европе и Азии, в «мировой пожар», как мало способна сделать это мирная политика демократических держав капитализма. Если же эволюция сталинской диктатуры в сторону бонапартистской контр революции дойдет «до логического конца», то грозящий ныне военный «мировой пожар» станет неизбежным: кто-же не понимает, что контр революционный финал сталинской диктатуры неотвратимо повлек бы за собою и внешне-политическую переориентацию ее, которая превратила бы ее из фактора мира в фактор войны?

Вот почему, учитывая возможную роль Советского Союза, как фактора мира, демократии и социализма, нельзя и в этом случае — и в этом случае особенно! — закрывать глаза на нерасторжимую связь внешней политики с политикой внутренней. Демократическая ликвидация сталинской диктатуры, победа идей социал-демократии в Советском Союзе является таким-же постулатом подлинного спасения мира, как победа социалистического пролетариата в Англии, Франции и Соединенных Штатах, как низвержение фашизма в Германии и Италии и фашизированного милитаризма в Японии.

И. ГРЕКОВ.

Черный юбилей

Двадцатого декабря минувшего года сталинская диктатура «праздновала» двадцатилетие террора и его, последовательно сменявших друг друга, органов: ВЧК—ОГПУ—НКВД.

За эти двадцать лет наша партия ни на минуту не прекращала настойчивой, неослабевающей борьбы против системы террора, построенной победоносным большевизмом. Нам незачем поэтому теперь, по случаю позорного «юбилея», возвращаться к теме о большевистском терроре по существу и восстанавливать его постыдную историю. Да впрочем, об этой истории достаточно ясно напоминает самая смена органов большевистского террора: от *чрезвычайной* комиссии к полицейской *канцелярии* и от канцелярии к целому «*министерству*», не только поставленному в ряд других Народных Комиссариатов, но диктаторски главенствующему над всеми ими. И в параллель этой смене органов террора идет и смена окраски самого террора: от *красного* террора революции, и в самых чудовищных преступлениях своих напитанного искренностью слепой революционной страсти, через холодно-расчетливый *рыжий* террор бюрократии, защищающей завоеванные ею в революции позиции, к *черному* террору самодержца, систематически и бес-

---

работок ниже 100 рублей все же исключение, то, напр., в торговле это массовое явление. Особенно отличился в этом отношении в истекшем году Центросоюз. В начале года правление Центросоюза умудрилось заключить общее соглашение с профсоюзами, «на основе которого все основные категории торговых работников внезапно получили снижение заработной платы» («Правда» от 10-го октября 1937 г.). Правда, соглашение это «впоследствии » (?) было будто бы отменено. Но вот, оказывается, и по профсоюзу потребкооперации Украины и Крыма «вредители» (кому же, как не им) «провели такое тарифное соглашение, что сильно упала заработная плата многих работников сельской кооперации. Во многих местах заработок работников прилавка составляет 45-60 рублей в месяц» («Труд» от 11-го августа 1937 г.). А в Харьковских районных потребительских обществах дошло даже до того, что «лучшим стахановцам в иные месяцы выплачивали по 18-20 рублей» («Труд» от 16-го августа 1937 г.). С какими чувствами эти парии знакомятся с восторженной болтовней казенной печати о веселой и зажиточной жизни и о тысячных заработках счастливцев советской фортуны?

За последний год разрыв между оплатой труда «знати» и рабочего «народа» достиг таких размеров, напряжение в этой области такой степени, что *перед выборами* правительство решилось даже на совершенно необычную для него меру. Постановлением Совнаркома от 1-го ноября 1937 г. повышена заработная плата «низкооплачиваемым рабочим и служащим» промышленности и железнодорожного и водного транспорта с таким рассчетом, чтобы минимум тарифного заработка достиг 110-115 рублей в месяц. Комментируя это постановление, «Труд» (от 2-го ноября) упомянул мельком, что рабочих с месячным заработком не свыше 100 рублей числилось в 1936 г. «только (!!) 7,6%». В 1937 г. процент этот, конечно, не уменьшился, и абсолютное число этих париев в рядах одного лишь промышленного пролетариата достигало, таким образом, ко времени издания нового постановления никак не менее полу-миллиона; а, вероятно, было значительно выше. Уже тот факт, что для доведения заработной платы в промышленности и на транспорте до указанного выше жалкого уровня понадобилась годовая ассигновка в 600 миллионов рублей, говорит о миллионных масштабах армии советских пролетариев-пауперов. При этом постановление 1-го ноября не коснулось еще других областей труда, кроме промышленности и транспорта, в частности не коснулось торговли с ее двухмиллионным, в громадной массе своей бедствующим пролетариатом.

***

Разрыв между рабочей аристократией и рабочей массой сказывается не только в области заработной платы в тесном смысле. В области так называемой «социализированной» заработной платы он нередко еще резче. Все блага, бесплатно или полу-бесплатно предоставляемые государством, предприятиями, профсоюзами, в первую очередь предоставляются верхушке рабочей ари-

пощадно истребляющего все зародыши возможного сопротивления подготовляемой им бонапартистской контрреволюции.

Дзержинский — Меньжинский - Ягода — Ежов... Эти имена символизируют смену органов и окраски террора. И если в «юбилейных» статьях советской печати совершенно выпал двуединый средний член этой триады; если, превознося до небес подвиги ОГПУ, советская печать умудряется обойти молчанием имена «героев», возглавлявших эти подвиги, — не только разжалованного в «бешеные собаки» Ягоды, но и успевшего мирно и в ортодоксальной славе почить Меньжинского, — то причины тому ясны: надо было провести прямую нить от Феликса Дзержинского к Николаю Ежову, чтобы красным отблеском первого скрасить неприкрытую черноту второго, и нельзя было напоминать, что террористический разгром всех врагов и супостатов, подготовивший восхождение Сталина, есть дело рук той «революционной» бюрократии, которую Сталин истребляет теперь руками бюрократии по-революционной. Как характерно в этом смысле, что и при перечислении подвигов ВЧК оффициальная летопись обходит молчанием один и самый громкий: кровавую расправу с Кронштадтом, героем которой, наряду с Дзержинским, был Троцкий, — расправу, которая и положила начало самовластью старо-большевистской бюрократии, вытесняемой ныне бюрократией новой, «сталинской»!

Но никакие летописи, никакие статьи не могут так ярко характеризовать смысл «юбилея», как фотографические снимки с посвященного этому юбилею «торжественного заседания в Большом театре» Москвы, помещенные в номерах «Правды» и «Известий» от 21-го декабря. Это — разные снимки, но с обоих одинаково глядит в центре самодовольно улыбающаяся фигура Ежова («сам», как и Калинин отсутствуют на «празднестве»), окруженного самыми крупными советскими сановниками. Но поглядите на фигуры этих сановников, даже таких, как маршал Егоров, Андреев, Каганович и, особенно, Ворошилов: напряженные, застывшие в неподвижности, запечатленные тоскою и страхом лица завтрашних смертников, резко контрастирующие с сложенными для «бурных аплодисментов» руками! «Здравствуй, цезарь! Обреченные на смерть приветствуют тебя!» Невозможно без содрогания смотреть на эти трагические снимки, как будто некоей вредительской рукой вкрапленные в газетные столбцы, с которых несется фальшивый фальцет славословий, поздравлений и приветствий по адресу самого цезаря и его обер-палача! Жутью веет от этой картины, в которой так уместно было бы заменить традиционные серп и молот отточенной косою смерти!

Но эта коса не стояла праздно в «юбилейные» дни. В самый день «юбилея» московские газеты сообщили о расстреле 7 виднейших большевиков, среди которых оказались «бандитами и шпионами» такие крупные фигуры, как Шеболдаев, прославленный и украшенный всеми советскими орденами «коллективизатор» кубанского казачества, как Карахан, посол и заместитель Наркоминдел, как Авель Енукидзе, былой соратник по Кавказу Каина Сталина, в течение свыше полутора десятка лет бессменный секретарь ВЦИК, служивший на этом посту верой и правдой большевистской диктатуре, но до последнего дня делавший все, что было в его силах (а было, признаться, очень немного!), чтобы смягчать ее зверства и, по возможности, спасать хотя бы от расстрела невинные жертвы ее террора. А затем оказалось, что и на далеком Кавказе (надо думать, и в других частях страны) коса смерти не отдыхала в эти «праздничные» дни: до полутора десятка голов профессоров, писателей, артистов, инженеров и т. д. было скошено ею в честь Ежовского «юбилея», и в том числе головы наших старых товарищей Сеида Давдарианин (Сана) и бывшего члена славной с.-д. фракции 2-ой Государственной Думы, Герасима Махарадзе, сохранивших до конца жизни верность идеям социалдемократии, но уже

стократии и аппарата. С этим так свыклись, что многим это кажется чем-то естественным. Вот недавно на с'езде профсоюза авиаработников Водопьянов упрекал ЦК союза в том, что «культурно-бытовое обслуживание членов нашего союза отстает от запросов стахановцев и ударников», и, перечисляя достижения союза, с гордостью говорил об «оборудованном» союзом «большом охотничьем хозяйстве под Москвой общей площадью 60 тысяч гектаров» («Труд» от 27-го декабря). Что этим охотничьим хозяйством, которое поглощает, конечно, большие тысячи союзных денег, пользуется лишь верхушка союзного аппарата и избранные среди избранных «стахановцев и ударников», которым действительно не хватает разве лишь дворянской охоты, Водопьянову даже и невдомек. И ведь это Водопьянов, человек мужественный и в определенной обстановке самоотверженный, с очень развитым чувством товарищества и, повидимому, совсем не «наслажденец жизнью», не рвач и не стяжатель. Что уж говорить о других? Это быт. Это становится нормой общественной психологии, характерной для консолидирующегося верхнего слоя современного советского общества.

Этот верхний слой, все явственнее обнаруживающий тенденцию к превращению в новый господствующий общественный класс, стремится ассимилировать рабочую аристократию, пропитать ее своей психологией, привить ей свои социальные представления. Руководители компартии сознательно и систематически форсируют эту эволюцию, и об'ективная обстановка, на это нельзя закрывать глаза, ей в значительной мере благоприятствует.

Нужно ли подробно говорить о том, какую угрозу эта эволюция создает для рабочего класса Советского Союза? В условиях социально - психологической ассимиляции рабочей аристократии правящею бюрократиею непрерывное восхождение в ряды рабочей аристократии наиболее энергичных, часто наиболее способных и — потенциально — наиболее активных рабочих приводит к социально - политическому обезглавлению рабочего класса и чрезвычайно затрудняет для рабочих масс борьбу за их социальные, экономические и политические интересы. А паралич общественной активности рабочего класса в свою очередь расчищает путь для бонапартистского завершения русской революции.

Борьба за преодоление разрыва между рабочей аристократией и рабочими массами приобретает поэтому совершенно исключительное значение. Но было бы, конечно, утопией искать разрешения этой задачи на путях апелляции к общественной совести и социальным воспоминаниям рабочей аристократии. Конечно, и от этой апелляции не приходится отказываться. Но она может играть лишь вспомогательную роль. И только пробуждение общественной активности рабочих масс — как это показал опыт рабочего движения ряда стран — способно действительно остановить процесс отрыва рабочей аристократии от рабочих масс и привести к консолидации рабочего класса.

почти полтора десятка лет тому назад порвавших всякие связи с с.-д. партией, в иллюзорной надежде сохранить этою ценою возможность открытого и непрерывного соприкосновения с родными им рабочими массами и хотя бы в железных советских тисках продолжать свое служение им.

Эти выстрелы чекистских наганов, продолжавших истребление старой большевистской гвардии и советской бюрократии первого и второго революционных призывов, и были на «торжественном заседании» тем громким аккомпаниментом, который совершенно заглушал голоса песнопевцев-ораторов, надрывавшихся с кафедры в славословиях Сталину и Ежову. Удивляться-ли тому, что призрак смерти витал перед взором большевистских сановников, заседавших в президиуме праздничного собрания, и что печать обреченности легла на их лица?

Мы хотели бы быть плохими пророками, но трудно отделаться от впечатления, что дни, по крайней мере, одного из этих сановников — Наркома обороны и маршала Советского Союза Ворошилова — уже сочтены. Из его ведения из'ято военно-морское дело и передано в особый Наркомат, во главе которого поставлен сталинско - ежовский ставленник П. Смирнов, назначенный лишь в сентябре Замнаркомом обороны и начальником Политуправления Красной Армии на место «самоубитого» Гамарника. Это — плохой признак. Но это еще может быть об'яснено (и сталинское правительство усердно распространяет такое об'яснение через иностранную печать) намерением значительно усилить строительство военного флота и вытекающею отсюда необходимостью создать для него особое ведомство. Но уже абсолютно невозможно какими-либо «деловыми» соображениями об'яснить назначение на пост Замнаркома обороны и начальника Политуправления Красной Армии Л. Мехлиса, который (как впрочем и П. Смирнов, и другой Замнаркома обороны Щаденко) лишь по случаю этого назначения «утвержден в воинском звании» армейского комиссара. Мехлис — бывший личный секретарь и неизменный фактотум Сталина, редактор «Правды» и заведующий отделом печати ЦК ВКП, т. е. отделом удушения печати и ее полного закрепощения Сталину. Его назначение не может расцениваться иначе, как новая победа Ежова в той борьбе за подчинение советской армии сталинской жандармерии, жертвами которой уже пали Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич и сотни других командиров Красной Армии.

Как отразится на воинской подготовке и боеспособности армии возглавление ее людьми, которые по части военной науки, несомненно, «рот немножечко дерут», но зато по части оппозиционности заведомо «в рот хмельного не берут», — говорить не приходится. Но, с точки зрения личных судеб Ворошилова, смысл происходящего совершенно очевиден: под него подведен последний подкоп, он окружен Ежовскими агентами со всех сторон. Малодушно предав своих сотоварищей по маршальству и оружию, он лишь ускорил свое собственное падение, и ему ничего другого не остается, как либо стать простой марионеткой в руках Сталина-Ежова, либо — в том или ином виде «исчезнуть».

День «юбилея» своей верной контр-разведки Сталин ознаменовал тем, что окончательно отдал ей на поток и разграбление Красную Армию. Красная Армия, которая вскоре тоже будет праздновать свое 20-летие, должна отныне служить не столько задачам внешней политики, сколько задачам политики внутренней. Ее миссией должна быть не столько оборона «социалистического отечества», сколько оборона сталинского единодержавия. Удастся-ли Сталину эта затея, — вопрос особый. Но, если то, что он делает сейчас, не есть то предательство и та измена, которые он и Ежов так тщательно всюду разыскивают, то значит самые слова эти лишены всякого смысла.

Поистине черный юбилей был «отпразднован» 20 декабря в Советском Союзе!

Это пробуждение общественной активности рабочих масс начинается с ближайшего и наиболее болезненно ощущаемого, с борьбы за поднятие жалкого жизненного уровня рабочих масс. Правящая бюрократия немало поработала для затруднения этой борьбы и морально-политической дискредитации рабочего недовольства. «Рвачи», «бузотеры», «горлопаны», «враги» — такими терминами награждаются рабочие, решающиеся называть кошку кошкой и голодную заработную плату голодной платой. Под коммунистическим покрывалом анти-«рваческой» пропаганды скрывается подлинная социальная реакция. Этой реакции нужно об'явить войну не на жизнь, а на смерть. Морально-политическая легализация рабочего недовольства должна прочно войти в сознание всех тех, кому дороги интересы рабочего класса. Только на этом пути можно сохранить и упрочить единство рабочего класса Советского Союза и обеспечить решающую роль рабочего класса в заключительный период русской революции. Только консолидация рабочего класса может обеспечить демократическое завершение революции и открыть пред страной путь быстрого развития к действительно свободной и счастливой жизни, путь к социализму.

Р. АБРАМОВИЧ.

Русские профсоюзы и профсоюзный Интернационал

На своем заседании 14 января Бюро Международной Федерации Профсоюзов признало невозможным принять условия, выработанные в Москве на совещании делегатов МФПС (Жуо, Схевенельс, Штольц) с представителями советских профсоюзов. Вопрос передан на отзыв примыкающих к МФПС организаций, и должен быть снова обсужден на пленуме Бюро 16 и 17 марта.

В отличие от тов. С. Шварца, который, хотя и с оговорками, считал бы вступление советских профсоюзов в МФПС в данной обстановке и на данных условиях явлением в общем положительным с точки зрения пролетарских интересов в целом, я должен сказать, что совершенно согласен с упомянутым постановлением Бюро МФПС от 14-го января. Ибо я считаю, — и уверен, что со мной согласно большинство наших товарищей, — что в нынешней ситуации и при сохранении в Москве нынешней сталинской политики, присоединение советских профсоюзов к профессиональному Интернационалу не только не усилило бы международного профессионального движения, а, наоборот, его только ослабило бы.

В своих последних статьях в «С. В.» (№ 20 и 22) я охарактеризовал уже ту пародоксальную и своеобразную ситуацию, которая создалась за последние полтора года в вопросе о пролетарском единстве, благодаря новому повороту в политике сталинской диктатуры. Но специально в вопросе о профессиональном единстве то

трагическое положение, при котором именно сторонники действительно единства должны выступать против «единства» в кавычках, создалось уже гораздо раньше, и мне пришлось с тем же т. Шварцом полемизировать на страницах «С. В.» еще двенадцать лет тому назад, когда проблема «воссоздания профессионального единства в международном масштабе» стала впервые перед Амстердамским Интернационалом.

Я не стану теперь возвращаться к старым спорам: за это время слишком многое переменилось, и, в частности, эволюция сталинской диктатуры слишком далеко пошла вперед в определенном направлении, для того, чтобы теперь имело смысл продолжать спор на старых позициях.

⁂

Для искренних сторонников действительного единства вопрос о *формальном* единстве, т. е. о совместных заседаниях различных делегатов в различных комитетах, имеет бесконечно меньшее значение, чем *реальное единство масс*, т. е. возможность внутреннего идейного и морального контакта между рабочими массами, принадлежащими к данным организациям.

Между тем, может-ли кто-нибудь, знакомый с истинным положением дел, сомневаться хоть на минуту в том, что то «единство», которое могло бы создаться на основе выработанных в Москве условий, было бы единством формальным и бумажным, без всякого реального конкретного содержания с точки зрения взаимодействия рабочих масс в Западной Европе и Советском Союзе?

Оставим в стороне на минуту чрезвычайно существенный и для многих товарищей решающий вопрос о том, что представляет собою в данный исторический период советские профсоюзы, и можно ли их хотя бы в малейшей степени считать самодеятельными пролетарскими организациями, аналогичными профсоюзам Европы и Америки. Даже, если отрешиться от этого, — повторяю, чрезвычайно существенного вопроса, — то ведь не подлежит ни малейшему сомнению, что при хорошо нам всем известных особенностях сталинской диктатуры, бесконтрольно и безгранично держащей в «ежовых рукавицах» и профсоюзы, не приходится совершенно рассчитывать на то, чтобы делегатами в Бюро и Исполком МФПС или на международные профессиональные конгрессы когда-либо могли попасть не стопроцентные сталинисты, чтобы туда мог проникнуть кто-либо иной, помимо послушных, раболепных и прислужнически - усердных исполнителей сталинских велений. Таким образом, мировое профессиональное движение будет иметь дело не с русскими массами, а со сталинскими бюрократами, которые будут отражать не волю русских рабочих, а директивы Политбюро ВКП, или вернее, генсекретаря ЦК ВКП. И тут нечего строить себе иллюзии на счет того, что помимо этого формального бюрократического представительства смогут с течением времени, в обход бюрократического средостения, создаться еще какие-то другие возможности «обмена веществ» между Западной Европой и рабочим классом России. Сталинская диктатура сейчас в такой степени тоталитарна и совершенна с точки зрения полицейской техники, что без разрешения Сталина «и ворон через границу не перелетит и заяц через нее не перескочит». Будет-ли советский ВЦСПС в лице Шверников и Андреевых присутствовать на заседаниях Бюро МФПС или не будет, так называемое «восстановление профсоюзного единства» между Сов. Союзом и всем остальным миром ровно ни в чем реальном или моральном не выразится ни для европейских рабочих масс, ни для рабочих масс Сов. Союза.

Международное единство профдвижения в своей основе покоится на интересах совершенно реального и материального характера, вытекающих из наличности мирового рынка, международного товарообмена, экономических и социальных связей между различными странами. Наиболее мощными двигателями международной солидарности профессионально организованных рабочих являлись до сих пор интересы охраны завоеванных социальных позиций от иностранной конкурренции неорганизованных или менее организованных рабочих групп, необходимость сообразовать свои условия труда с условиями труда в других странах, участвующих в международном товарообмене, опасение штрейкбрехерства во время социальных конфликтов, необходимость международной согласованности в социальной политике и т. п. Между тем, русский рабочий класс сейчас фактически, за крайне небольшими исключениями, исключен из сферы мирового рынка той системой абсолютной «автаркии», на которой построена вся экономическая жизнь Советского Союза. С другой стороны, рабочий класс Советского Союза не имеет никакой возможности вести обычными в Европе профсоюзными средствами борьбу за улучшение своих чрезвычайно низких условий труда и вознаграждения (вопрос о том, должен ли русский рабочий класс вообще добиваться лучших условий труда или нет, принимая во внимание «социалистический» характер Советского Союза, — мы можем спокойно оставить в стороне: для нас в данный момент достаточно констатировать то положение, которое существует). Таким образом, в области чисто - экономической и социальной, т. е. как раз основной для профессионального движения, конкретная реализация международной солидарности является фактически невозможной. Остается, стало быть, лишь область идеологического взаимодействия и политического сотрудничества. Но, как мы уже указали выше, благодаря наличности террористической диктатуры в России, герметически отрезывающий русское население от всякого общения с заграницей и делающей невозможной какую бы то ни было идейную или политическую самодеятельность русских рабочих, взаимодействие между русскими и заграничными профсоюзами даже в области чисто идеологической сводится к нулю или приобретает чрезвычайно односторонний характер. Шверники и другие подручные Сталина могут приезжать на различные заседания и конгрессы МФПС и с этой трибуны вести пропаганду большевистских взглядов (вернее тех, которые в данную минуту аппробированы Сталиным), и эта пропаганда по широко разветвленным каналам международной профсоюзной прессы, рабочей печати, да и печати общей будет разнесена по всему гигантскому пространству мирового рабочего движения. Но совершенно ясно, что ни одно слово, сказанное на этой трибуне в ответ на сталинские тезисы и сталинскую пропаганду, никогда не дойдет до масс русского рабочего класса, если оставить в стороне те относительно ничтожные и проблематичные возможности, которыми располагает нелегальная в России социалистическая пресса.

Другими словами: осуществляя предполагаемое Москвой единство при сохранении системы тоталитарной диктатуры для русских рабочих, МФПС фактически открыла бы большевикам неограниченную возможность воздействия на рабочие массы Европы, не получив взамен даже самой микроскопической возможности дово-

дить до сведения русских рабочих масс голос организованного западно-европейского пролетариата. Зачем итти далеко за примерами? Тот же тов. Шварц, который ратует за осуществление единства даже при этих условиях, надеясь в конечном счете на какое-то «взаимодействие», сам же вынужден указать на то, с какой циничной непринужденностью заправилы советских профсоюзов даже в самый момент переговоров с МФПС и во время присутствия делегатов МФПС в Москве, ухитрились абсолютно замолчать все эти переговоры, и даже самый факт обращения Бюро МФПС к ВЦСПС!

Конечно, можно быть того мнения, что пропаганда Шверника, даже с трибуны МФПС, не представляет сейчас особой опасности для мирового профдвижения. Готов это допустить для известного момента. Но это только значит, что необходимость единства мотивируется не положительной пользой, которую это об'единение может дать, а **отсутствием вреда**. Тов. Шварц должен будет согласиться, что эта аргументация по меньшей мере странная.

***

Но ведь вступление ВЦСПС в МФПС означает фактически ликвидацию Профинтерна Не является-ли это столь крупным выигрышем для международного рабочего движения, чтобы ради него следовало бы пойти на некоторые жертвы? Мы думаем, что нет. Профинтерн фактически давно уже мертв, если не считать Чехо-Словакии и двух-трех других еще более мелких государств. Значение этого фактора в общей экономии международного профсоюзного движения фактически равно нулю. Это понимает и сам т. Шварц. Понимает он и то, что с формальным уничтожением Профинтерна «маневры» и внутренняя борьба коммунистов не исчезнут, а только будут перенесены в ряды самого МФПС и национальных профсоюзных организаций. Но это его не пугает. Неустрашимость и оптимизм тов. Шварца делают ему честь. Если брать политику дальнего прицела и мыслить большими историческими периодами, то он, может быть, и окажется прав. Но это нисколько не исключает того, чтобы в ближайший период сталинские представители советских профсоюзов смогли причинить международному профдвижению чрезвычайно значительный урон своей обычной политикой демагогии, разложения, коррумпирования и маневра. Благодаря гигантскому количеству членов, которое формально числится в ВЦСПС, удельный вес советских делегатов и их гигантских взносов даст им чрезвычайно обширную базу для ведения той внутренней разрушительной работы, которой они без всякого сомнения немедленно займутся внутри МФПС *). Итти на это с открытыми глазами имело бы смысл лишь в том случае, если бы эти опасности компенсировались каким-то крупным организационным или морально идейным выигрышем. Но именно этого и нет, как мы уже указали выше. Наоборот.

Вступление ВЦСПС в Амстердамский Интернационал фактически, несмотря на все формальные оговорки, которые бы были наверное сделаны отдельными организациями, привело бы в первую очередь к тому, что в целях «лойяльного осуществления сотрудничества» международное профессиональное движение отказалось бы от всякой критики сталинизма и порядов, существующих в Советской России даже для рабочего класса. При беспрерывном давлении и шантаже со стороны представителей ВЦСПС, прекратилась бы фактически идейная борьба против сталинизма, как она до сих пор, к сожалению, прекращалась везде, где только осуществлялось даже еще не «органическое единство», а лишь только «единство действия». Нужно ли добавлять, что в награду за эту лойяльность г. г. Шверники и Ко. ответили бы еще более беззастенчивой травлей против «желтых предателей» из МФПС? Кто в этом еще сомневается, тому достаточно указать на поведение французских коммунистов хотя в самые последние дни...

Итак, принимая в свою среду как полноправных членов представителей ВЦСПС, Союзный Интернационал принес бы целый ряд тяжелых моральных жертв, не приблизив, однако, ни на иоту действительного единства между рабочими массами Запада и рабочим классом России. Единство, осуществленное вступлением Шверников в состав МФПС, было бы чисто бюрократическим и бумажным. Более того — это было бы об'ективно обманом рабочих масс: оно посеяло бы в их головах иллюзорное представление, будто международное единство уже действительно осуществлено, будто ВЦСПС-ные бюрократы действительно представляют собой рабочий класс России; будто русские профсоюзы, закабаленные сталинской диктатурой, действительно представляют собой свободные и самодеятельные классовые организации русских рабочих.

Фактически — единство (реальное, а не бюрократически бумажное) профессионального, как и политического рабочего движения невозможно и немыслимо, пока в Москве господствует нынешняя диктатура Сталина. Ибо вступление ВЦСПС в МФПС возможно было бы лишь на основе совершенно ясно и отчетливо сформулированных условий со стороны МФПС, и в числе этих условий (в числе прочих) должно было фигурировать требование о признании ВЦСПС права **внутренней оппозиции** внутри советских профсоюзов и **о гарантированной** возможности для МФПС обращаться к русским профсоюзным массам. Однако вряд ли можно думать, что ВЦСПС приняло и осуществило бы эти требования. — И тогда придется признать, что для единства момент еще не назрел и что не надо торопиться принимать за единство предлагаемые ВЦСПС фальсификаты.

*) Даже если допустить, — а мы это готовы сделать, — что Сталин посылает Шверника в МФПС не для «маневров», а по соображениям внешне-политического характера, — то это отнюдь не означает, что большевики не попытаются одним ударом убить двух зайцев: их политика во Франции и Испании лучшее тому доказательство.

В РАБОЧЕМ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ.

С 15 по 17 января состоялись в Брюсселе важные заседания международных рабочих организаций.

Первым из них было состоявшееся 15 января, под председательством **Де-Брукэра,** совместное заседание **РСИ** и **МФПС,** созванное по инициативе английских рабочих организаций и посвященное исключительно вопросам **международной борьбы против японских агрессоров.** Основой для обмена мнений послужила программа действий, предложенная английской делегацией. В результате прений, в которых приняли участие представители многих стран, основные линии этой программы были одобрены, и была единогласно принята составленная в их духе резолюция (см. ниже), причем было решено, что вопросы конкретного проведения этой программы в жизнь должны быть обсуждены на новом совместном заседании, имеющем состояться в самом близком будущем.

На следующий день собралось **Бюро РСИ,** подготовившее **сессию Исполкома,** заседавшую 16 и 17 января.

Исполком занялся прежде всего положением дел в **Испании,** причем в основу всестороннего обсуждения был положен доклад, представленный Испанскою Социалистическою Партиею (делегатами ее были тт. **Азорин** и **Кордеро),** и дополнительные замечания к нему т. Пьетро **Ненни.** На прения, в которых приняли участие многочисленные ораторы, в особенности — **Ненни, Жиромский, Дан, Азорин** и **Адлер,** особую печать наложило широко намеченное и глубоко продуманное выступление т. **Де-Брукэра.** Закончились прения вызвавшею всеобщее одобрение заключительною речью тов. **Кордеро,** подчеркнувшею полное единомыслие между испанскими социалистами и Интернационалом. Это единомыслие нашло свое выражение в единогласно принятой резолюции (см. ниже), в которой РСИ высказывает свое непоколебимое убеждение в победе испанской республики и еще раз формулирует обязанности международного рабочего движения.

В ходе дальнейшего обсуждения международного политического положения Исполком заслушал доклады и раз'яснения, касающиеся положения в **Чехословакии** и условий, создавшихся для германской и австрийской социалистической эмиграции в этой стране. С речами по этому вопросу выступали тт. **Вельс** (Германия), один из австрийских делегатов, **Стибин** (чешские с.-д.) и **Пауль** (немецкие с.-д. в Чехословакии). Исполком отметил с удовлетворением, с одной стороны, выражения благодарности чехословацким с.-д. партиям за их товарищеское содействие и помощь эмигрантам и, с другой, заявления представителей этих партий, что Чехословакия и впредь будет охранять основные права политических беженцев.

Дан сделал доклад о положении дел в **Советском Союзе** и, в частности, о преследованиях, обрушивающихся на социалистов, которым Исполком выразил свою симпатию и заверение в полной солидарности с их борьбой за завоевание свободы политической деятельности для всех отрядов рабочего класса. Вместе с тем Исполком подчеркнул **значение работы русской социалдемократии для международного рабочего движения, так как на эту партию ложится задача информировать международный пролетариат о событиях в Советской России и раз'яснять ему смысл этих событий** *).

Исполком принял резолюцию, клеймящую выдачу **Данцига** на растерзание Гитлеровскому террору и приветствующую мужественных социалистических рабочих Данцига, а также резолюцию о последних событиях в **Румынии** (см. ниже).

Исполком обратил далее внимание социалистических партий всех стран на значение **Международной Конференции держав по вопросу о регулировании правового положения германских беженцев,** имеющую собраться в феврале в Женеве. Следует желать, чтобы этот важный вопрос был решен в духе свободы. Исполком обратил внимание и на опасность выработанной недавно и насквозь пропитанной реакционным полицейским духом **международной конвенции против терроризма.**

Затем Исполком утвердил отчеты секретариата, кассира и международного женского комитета при РСИ и разрешил ряд вопросов организационного характера, а также касающихся отдельных стран. Он одобрил между прочим восстановление **Международного Союза Социалистических Юристов** при РСИ; обязанности президента будет временно исполнять **Вандервельде,** секретаря т. **Зомерхаузен** (Бельгия) и второго секретаря т. Жанна **Вандервельде.** Тов. **Даллас** (Англия) был избран в члены комиссии о политических заключенных на место скончавшегося английского члена Комптона, а секретарь Бельгийской Рабочей Партии **де-Блок** дополнительным членом Административной Комиссии.

В заключение Исполком решил поставить в порядок следующего заседания своего вопрос о **борьбе за демократию** в его полном об'еме.

Под аплодисменты всех присутствующих была принята единогласно следующая резолюция:

> «Собравшись впервые после того, как т. Ф. Адлер, в связи с выполнением обязанностей, возложенных на него, как на представителя РСИ, был осужден голландским судом *), Исполком выражает своему заслуженному генеральному секретарю самую сердечную симпатию и заверяет его в своей полнейшей солидарности».

В теплых словах председатель выразил благодарность Интернационала своему секретарю за его самоотверженную работу.

Следующее заседание Исполкома состоится в апреле.

ОБ ИСПАНИИ.

По случаю республиканской победы под Теруэлем Исполком РСИ шлет свои поздравления испанскому народу, его правительству и его замечательной армии. Эта победа является результатом долгой и терпеливой подготовительной работы, которая, несмотря на трудности всякого рода, была проделана правительством, руководимым социалистами и обнимающим все демократические силы испанского народа.

РСИ твердо уверен в том, что его испанская секция добьется военной победы и обеспечит таким образом развитие свободы и социализма на Пиренейском полуострове.

Война в Испании все больше и больше становится наступательной войной международного фашизма, и поэтому победу над ним можно приблизить только действительной солидарностью всех народов и всех демократических государств, которые так же находятся под ударом фашизма, как и свобода и независимость Испании.

РСИ подтверждает все свои предыдущие постановления по поводу войны в Испании, постановления, которые все больше и больше оправдываются всем ходом событий. Он требует полного восстановления международного права в области торговли военными материалами и применения пакта Лиги Наций по отношению к агрессорам. Он рассчитывает на бдительность и активность всех своих секций и народных масс для того, чтобы помешать признанию «права воюющей стороны» за правительством генерала Франко, и для того, чтобы обеспечить действительную свободу морских путей.

РСИ полагает, что особые усилия должны быть в спешном порядке направлены на то, чтобы организовать рациональное снабжение республиканской Испании продовольствием и медикаментами. Он рассчитывает при этом на активную солидарность мирового рабочего класса и ожидает от демократических правительств конкретных мер для облегчения экспорта в Испанию.

Агрессия итало-германского фашизма против республиканской Испании тесно связана с нападением Японии на Китай и с отвратительными фашистскими заговорами в ряде стран, которые имеют целью подорвать демократическую государственность и развязать гражданскую войну в международном масштабе. Такова истинная цель того «анти-коммунистического пакта», который был подписан в Риме 6-го января и который направлен против свободы и демократии во всех их видах.

Необходимо самое тесное сотрудничество демократических правительств и народных масс для того, чтобы разбить силы реакции, чтобы устранить опасность мировой войны и чтобы обеспечить человечеству возможность свободного развития к социализму».

---

*) В представленном Исполкому докладе секретаря РСИ отдел, посвященный Советскому Союзу, заканчивается указанием, что «русская социалдемократия выполняла за отчетный период задачу, весьма важную в настоящее время, заключающуюся в информировании международного рабочего движения и освещении перед ним совершающихся событий. Она стоит на той точке зрения, что критиковать сталинизм и его проявления в России и вне России следует под пролетарским и социалистическим углом зрения, и что лишь таким образом можно предотвратить злоупотребление этой критикой для контр-революционных целей». — **Ред.**

*) Голландский суд (в первой инстанции) приговорил тов. Адлера к 4-месячному заключению в тюрьме за пользование нелегальным паспортом. — **Ред.**

О ЯПОНСКО-КИТАЙСКОМ КОНФЛИКТЕ.

Соединенное заседание Бюро РСИ и МФПС присоединяется всецело к следующей декларации, принятой до этого МФПС:

«Бюро МФПС, подтверждая свое заявление от 7-го сентября о солидарности с китайским народом и присоединяясь к резолюции «рабочей группы» в Совете Межд. Бюро Труда, — призывает всех работников физического и умственного труда городов и деревень самым резким образом выступить против возмутительного нападения Японии на Китай и наиболее конкретным и действенным образом высказать свою симпатию и свою солидарность с китайским народом, являющимся жертвой этого империалистического нападения.

Бюро постановляет призывать к бойкоту всех родов японских товаров, пока будет длиться оккупация территории китайской республики японскими милитаристами и империалистами, а также организовать пропаганду и агитацию во всех странах для того, чтобы побудить правительства и все население последовать примеру рабочих и выполнить свой международный долг по отношению к Китаю».

Совместное заседание указывает далее на настоятельную необходимость применить принципы коллективной безопасности для отражения фашистского нападения как в Китае, так и в Испании. Рабочие должны во всех странах развить нужную энергию для того чтобы заставить свои правительства выполнить, наконец, обязательства, вытекающие из пакта Лиги Наций, и для того, чтобы уже на ближайшем заседании Совета Л. Н. 28-го января были приняты первые шаги для оказания помощи Китаю в его борьбе против японской агрессии. Если при этом в Женеве не удастся достигнуть единогласия, то это не должно послужить для народов, стремящихся к миру, предлогом для оправдания их собственного бездействия. На их стороне сильный перевес и в числе и в средствах. Они могут заставить агрессора отступить, если применят санкции в должном духе, а не с той слабостью и с теми колебаниями, как в абиссинском вопросе.

Что касается японской агрессии, то на заседании был предложен тщательно разработанный план санкций, который включает прежде всего закрытие всех кредитов, полный запрет ввоза из Японии и запрет вывоза туда важнейших в военном смысле продуктов, в частности нефти. Указанные меры должны быть проведены в международном масштабе, причем должны быть предусмотрены серьезные гарантии взаимной поддержки в области финансовой, экономической и — если нужно — военной. План этот передается на рассмотрение рабочих организаций отдельных стран и будет во всех деталях обсужден на одном из самых ближайших заседаний в кратчайший срок.

Необходимо с самого начала со всей ясностью констатировать, что меры, предпринимаемые для охранения международного правопорядка, ни в коем случае не направлены против **японского народа**, который сам является жертвой своей военной касты и грабительского капитализма. Совместное заседание шлет выражение своей братской симпатии и солидарности тем японским рабочим, которые выступают против наступательной войны своих господствующих классов и стали жертвой брутальных преследований, сотен арестов и приговоров.

Президент Рузвельт заявил в своей речи в Чикаго, 6 октября 1937 г.: «Миролюбивые государства должны совместно выступать против всех тех нарушителей договоров и оскорбителей человеческих чувств, которые создают нынешнее состояние международной анархии и неуверенности, из которого нельзя выйти путем простой изоляции или нейтралитета».

Сотрудничество Соед. Штатов во всех вышеуказанных формах международных экономических мероприятий и их присоединение к гарантии взаимной поддержки имело бы самое крупное значение для обеспечения успеха. Необходимо, поэтому, настоятельно стремиться к соглашению с Соед. Штатами.

ПРОТИВ РУМЫНСКОГО ФАШИЗМА.

В связи с последними событиями в Румынии международный пролетариат отмечает с возмущением и протестом тот факт, что король самовольно и противозаконно вручил правительство сторонникам фашизма.

В этом правительственном путче Интернационал видит не только еще худшее закабаление румынских рабочих и намерение обесправить национальные меньшинства Румынии, но также передвижку международного соотношения сил в сторону, благоприятную фашизму, и угрозу миру.

При заключении мира Румыния получила обширные новые территории под непременное обязательство гарантировать полное равноправие национальных меньшинств. Начатые ныне законодательные мероприятия стоят в полном противоречии с этим обязательством.

Перед лицом румынского примера РСИ констатирует еще раз, как опасна для пролетариата демагогия международного антисемитизма. Пользуясь оружием антисемитизма, Гитлер смог захватить власть в Германии и поработить рабочий класс. По тому же пути идут фашизм в Польше и правительство Гога в Румынии.

РСИ возвышает поэтому снова голос протеста против антисемитизма, позорящего человеческую культуру, и констатирует, что не только трудящееся население, но и все угнетенные и слабые нации заинтересованы в борьбе против реакции и фашизма.

РСИ шлет свой братский привет с.-д. партии Румынии и социалистическим партиям национальных меньшинств.

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

Кризис диктатуры и наши задачи

Когда на первый московский процесс Зиновьева-Каменева я откликнулся статьей под заглавием **«Кровавая грань»** («С. В.», 1936, № 17), нашлись товарищи, которые решительно возражали против такой оценки событий. Законное **моральное** возмущение кроваво-грязной инсценировкой суда над ближайшими сподвижниками Ленина не должно, — говорили они, — становиться исходным пунктом для **политической** оценки совершающихся в Советской России сложных процессов и влиять на тактическую линию нашей партии, — особенно в момент, когда новая советская конституция впервые за 20 лет создает для нас возможность выйти из состояния анабиоза, возродиться, как связанная с массами политическая организация и тем избежать неминуемой политической смерти.

Но после второго московского процесса тов. Дан вынужден был уже вынести смертный приговор большевизму и признать, что, «выполнив свою историческую задачу, большевизм с каждым днем все больше превращается в **гниющий труп, который рабочему классу надо убрать с дороги,** чтобы двинуться вперед на новой, революцией созданной, почве». А когда отцвели, не успевши расцвесть, конституционные иллюзии т. Дана и когда окончательно выяснился плебисцитарный характер выборов в Верховный Совет, исключивший всякую реальную возможность использования проблематических «легальных возможностей» и «зацепок» новой конституции; когда собрался сталинский «парламент без оппозиции», составленный из проверенных преторианцев, — и т. Дан должен, наконец, признать, что не этот конституционный маскарад диктатуры, а московские «процессы ведьм» имеют **грань полагающее** значение — не только как веха в понятном развитии русской революции от коммунизма к фашизму, но и для судеб международного социализма. В частности, они окажут влияние на идейно-политическую эволюцию и нашей партии, которая отнюдь не собирается — с этим согласится сейчас и т. Дан — «умирать», хотя ей и не удалось, по независящим обстоятельствам, возродиться на почве вмешательства в выборы по новой конституции.

Ощущение поворотного значения совершающихся в России событий, отражающих глубокий кризис русской революции, все шире распространяется не только в наших тесных рядах, но и во всей международной рабочей общественности. Моральное возмущение вызвало моральный кризис, моральный кризис — постановку наново коренных идеологических проблем социализма: о моральных основах социализма, о значении «вторичных» факторов в борьбе за социализм и для его построения, о путях к социализму, о демократии и диктатуре.

Идейный кризис социализма, вызванный поражением германской социалдемократии, далеко еще не изжит. Идейное брожение в мировом социализме продолжается. Но под влиянием последних событий в Советской России разрешение идейного кризиса социализма намечается уже не в том самоубийственном направлении почти панической капитуляции перед большевистской идеологией и почти безоглядного об'единенчества, как на другой день после победы фашизма в Центральной Европе, а в направлении возврата к принципам **демократического** социализма.

Один или два пути ведут к социализму? На этот не теоретически только, но и практически кардинальный вопрос Фриц Адлер вскоре после победы фашизма в Германии дал ответ: как общее правило, путь социализму ведет те-

перь через диктатуру и лишь в виде исключения через демократию. На этом основании Адлер, сурово осуждая методы первоначального капиталистического накопления, применяемые Сталиным для закладки фундамента социализма в России, призывал нашу партию «толерировать» диктатуру большевиков. Отто Бауэр шел дальше: он предлагал нашей партии совсем уйти в небытие, ибо верил в творческую роль большевистской диктатуры, которая, успешно заложив фундамент государственного социализма, сама же возведет на нем здание социалистической демократии. Тов. Дан, борясь с крайностями концепций Адлера и Бауэра и особенно с их выводами для нашей партии, сам, однако, тоже шел по пути идейной капитуляции перед большевистской идеологией, подновляя «бессмертные» апрельские тезисы 1920 г., призывая «назад, к Вене!», пытаясь на обломках, одинаково якобы обанкротившихся, социалдемократизма и коммунизма создать некую сборную идеологию социал-коммунизма, новый «чудесный сплав» из несовместимых элементов диктатуры и демократии, и все дальше углубляя тему о социально-экономических «элементах социализма» в Советской России, неустранимо будто бы заложенных практикой генеральной линии и облегчающих «ускоренное продвижение Советского Союза к социализму».

Это было настоящее поветрие. Немногие предостерегающие голоса заглушались шумом панической «перековки сознания» и перестройки социалистической идеологии: «временная диктатура», «воспитательная диктатура», диктатура, как необходимый до построения социализма переходный этап притом не только в странах фашизма, но и в странах демократии. Потребность анти-фашистской мобилизации в формах единого фронта или органического слияния безмерно ускоряла еще эту деформацию демократического социализма. Процесс зашел так далеко, что — парадокс истории! — маневренный поворот Коминтерна к «формальной демократии», к коалиционной политике в форме «Народного Фронта», к «защите свободы» застиг мятущихся социалистических идеологов как раз в тот момент, когда они готовы были сдать и сдавали уже основные позиции демократического социализма!

Что осталось от всего этого? Отталкивание от идеологии диктатуры становится все более сильным. Поветрие еще не прошло. Рецидивы еще возможны. Но психологический перелом налицо. Но **самоутверждение демократического социализма** началось. Но реабилитация демократии — и социалдемократии — уже происходит. Но сознание органической и неотрывной связи демократии и свободы с социалистической идеей и с социалистическим идеалом снова начинает вытеснять вчера еще ходовые высказывания вроде того, что пафос демократии это был пафос безвозвратно ушедшей в прошлое довоенной эпохи (Дан), что демократия для ряда стран, как, напр., Россия, является не условием, а следствием социалистического преобразования, своего рода послесловием к обобществлению производства (Бауэр) и т. п.

Что же случилось? Идеологические сдвиги рано или поздно отражают сдвиги в реальной действительности. Диктаторский путь был до конца испытан в Советской России — и привел к самоистреблению партии диктатуры, к вырождению диктаторской власти, прокладывающим путь бонапартистско - фашистскому финалу русской революции после **двадцати лет** неслыханных усилий, страданий и жертв. От этого страшного видения **диктатуры, захлебывающейся в крови** и грязи, и «кованной пятой», по выражению Пушкина, придавившей трудящиеся классы, вынесшие ее к власти, начали отшатываться поколебавшиеся было в своей демократической вере социалисты Запада. Никого уже не вводит в заблуждение и мнимо-демократический плащ, в который облачаются сейчас вчерашние узурпаторы и сегодняшние палачи русской революции. Этот маскарад только еще усугубляет отталкивание от «пути октября», который еще недавно навязывался всему международному пролетариату, как вывод из поражения фашизма в Германии и «победы социализма» в России...

Нет двух путей к социализму — одного для Запада, другого для Востока! Вообще нет **двух** путей к социализму — через диктатуру и через демократию. Таков итог двадцатилетнего опыта с большевистской диктатурой. Таков урок последних событий в России. Завоевание власти пролетариатом всегда будет связано с завоеванием демократии. Поэтому демократию надо отстаивать там, где она существует,—в случае необходимости и революционными средствами. Демократию надо отвоевывать там, где она уничтожена. Не потому, что она «вечная» категория, внеисторический «абсолют», а потому что она жизненно необходима рабочему классу в борьбе за свое освобождение и потому, что она входит необходимым составным элементом в строительство социализма. Какие бы разочарования и трудности ни ждали пролетариат на пути демократии, он другого пути не имеет. Ибо только демократия, при всей своей несовершенной — до социализма — форме воплощения, обеспечивает самодеятельность рабочих, создает политическую форму для необходимого союза пролетариата с крестьянством и является орудием для завоевания большинства на сторону социализма. А главное — только демократия воспитывает в трудящихся массах необходимые даже только для **приступа** к построению социализма навыки самоуправления, чувство ответственности перед коллективом, личную инициативу и т. п., тогда как диктатура, держащаяся коррумпированием меньшинства и порабощением большинства, насилием и обманом, неизменно подавляет все социальные чувства и навыки, необходимые для социалистического строительства. Это не логическая дедукция, это вывод из исторического опыта большевистской диктатуры, — опыта слишком грандиозного, длительного и трагического, чтобы из него не делать обобщений и выводов для всего мирового рабочего движения.

⁂

Какие же уроки извлекает **наша партия** из последних событий в России? Как оценивает она совершившиеся на родине процессы? Какие позиции она собирается занять в этот поворотный момент?

Цепляясь за обрывки старых концепций из эпохи военного коммунизма, которым только из утилитарно-архивных соображений присваивается имя «мартовских» (ибо неизвестно еще, как ориентировался бы живой Мартов в радикально изменившейся обстановке), т. т. Дан и Югов, явно дезориентированные московскими процессами и всероссийскими расстрелами большевиков, «строителей социализма», и проводников «генеральной линии», продолжают однако старательно заниматься поисками «предпосылок социализма», а то и «элементов социализма» в Советской России *). Результат этих поисков «двузначный». Они находят в Советском Союзе все социально-экономические предпосылки, необходимые для построения фундамента социализма, но одновременно констатируют отсутствие необходимых политических, культурных и социально-психологических предпосылок из области «надстройки». Но разве это отсутствие случайно? Самый эксперимент насаждения социализма в отсталой стране, да еще на неостывшем пожарище мировой и гражданской войны, был связан с увековечением террористической диктатуры. В свою очередь это увековечение и обострение диктатуры, вместе с видимыми и неоспоримыми успехами индустриализации и агрономизации, привело к вытравлению из рабочих и крестьян всех тех социальных навыков и чувств, без которых «строители социализма» оказываются либо нерадивыми государственными рабами, которых надо подгонять кнутом террора, либо коррумпированными преторианцами от станка или трактора. И разве это грозное социально - психологическое оскудение, делающее невозможным превращение огромного нагромождения фабрик и заводов, совхозов и колхозов в социалистически организованный народно-хозяйственный организм, не «перекрывает» технических и экономических эффектов генеральной линии, которых никто не может отрицать?

Дан и Югов прекрасно понимают, что сами по себе фабрики и заводы, понастроенные в период генеральной линии, еще не образуют «нерушимый фундамент социализма». Тем не менее они оба согласно полагают, что генеральная линия создала социально-экономические «предпосылки социализма», облегчающие «ускоренное продвижение к социализму» через современную стадию государственного капитализма. Не само по себе огромное нагромождение фабрик и заводов, имеющее ведь место и в индустриальных капиталистических странах Европы и Америки, а замещение частных капиталистов государством превращает, по их мнению, технико-экономические достижения генеральной линии в «элементы социализма». Решающим является для них отсутствие в Сов. России буржуазии, владеющей средствами производства.

Оспаривать огромное значение этого момента не приходится. Но это только **негативный** момент. Государственный капитализм, как таковой, еще не заключает в себе имманентной тенденции к своему превращению в социализм. Он может даже носить определенно анти-социалистический характер, образуя экономическую основу тоталитарного государ-

*) Вне нашего спора о проблемах русской революции стоит автор дискуссионной статьи в декабрьском номере «Соц. Вест.», т. Доманевская. Для нее в СССР «уже сцементировалась нерушимая основа социализма», «в области социальной СССР — единственная в мире страна социальной демократии», за Сталиным «исторически навсегда закреплена слава первого созидателя социализма в мире». Полемизировать с этой концепцией, целиком укладывающейся в рамки оффициального сталинизма, не приходится: опровержению этих взглядов посвящены все номера и страницы «С. В.».

ства, совмещающего в одних руках политическую и экономическую диктатуру. В пределе к этому стремятся германский национал-социализм и итальянский фашизм.

Социальная зависимость трудящихся с переходом средств производства в руки государства еще не уничтожается, хотя бы это государство и «вышло из революции», называлось «рабоче-крестьянским» и прокламировало социалистические цели. Больше того: сплошной этатизм, концентрирующий все без из'ятия средства производства в руках единственного предпринимателя - государства, способен даже, при антидемократическом характере государства, **усиливать** социальную зависимость трудящихся, одновременно делая невозможной организованную самозащиту их от эксплоатации и выработку чувств солидарности и навыков самодеятельности, необходимых для эволюции государственного капитализма в сторону социалистической организации производства. Кстати, первоучители научного социализма, Маркс и Энгельс, как и их ученики Бебель и Каутский, никогда не представляли себе строй общественного хозяйства на социалистической основе в форме универсального этатизма, а как сложное, хотя и органическое сплетение государственных, муниципальных, кооперативных и индивидуально - трудовых предприятий.

Переоценка технико - экономических достижений генеральной линии и приписывание им значения «предпосылок социализма» или даже «элементов социализма» еще в условиях тоталитарной диктатуры Сталина, ведут к досадной апробации — задним числом — октябрьской революции, большевистской диктатуры, сталинской генеральной линии. В тот самый момент, когда наша партия могла бы, кажется, в катастрофическом вырождении бльшевистской диктатуры найти историческое оправдание и подтверждение своей позиции в революции — перед лицом русского и международного пролетариата, — мы заняты своеобразной реабилитацией большевистской линии в революции, осуждая, правда, ее варварские **формы**, но в основном, хотя и с оговорками, принимая ее **содержание**. Характерно в этом смысле сделанное тов. Даном в его юбилейной статье к 20-летию октябрьской революции сравнение дела Сталина с делом Петра Великого: оба строили на крови и костях бесчисленных жертв, и оба достигли грандиозных результатов. Но это сравнение поверхностно и ошибочно. Петр поставил своей целью европеизировать Россию, прорубить «окно в Европу» и с этой целью построить столицу у моря, хотя бы на костях. Этой цели, оправданной и подготовленной всем ходом русской истории, Петр достиг. Сталин, наследуя Ленину, поставил своей целью исторически невозможное: построение социализма в отсталой стране методами диктатуры, а на деле построил государственный капитализм, грозящий стать основой фашисто-образного тоталитарного государства. Петр был московским царем и не имел в своих руках иных средств, кроме самодержавной «дубинки», причем «мятежи и казни» мрачили лишь «начало славных дней Петра», который затем «правдой привлек сердца» и «нравы укротил наукой». Сталин числится — еще числится! — коммунистом, и строить, даже социализм, на костях рабочих и крестьян ему заказано и собственной его идеологией, и существом дела. Чем дальше подвигается он в созидании «предпосылок социализма», тем выше нагромождает он горы трупов. И наконец — можно построить Петербург **для** России, но нельзя построить социализм **для** рабочих...

⁂

Ленинско - сталинский «прорыв в социализм» грозит, и по признанию т. Дана, закончиться **срывом в фашизм.** Русская революция поставлена Сталиным на край пропасти. Острый политический кризис, документированный московскими процессами и только прикрытый конституционным маскарадом, есть не только кризис партийной диктатуры, выродившейся в единодержавие Сталина, но и кризис генеральной линии, т. е., в сущности, всего большевистского эксперимента. В цитированной мною юбилейной статье тов. Дана констатируется с полным основанием, что «в ходе русской революции наступил **новый этап,** в котором диктатура сможет бороться за самосохранение, лишь все более определенно **противопоставляя себя революции** и совершившим ее трудящимся массам». **Такой** кризис революции неизбежно приобретает характер революционного кризиса, в котором нет места мирнообновленческим иллюзиям.

Как вырос этот кризис и куда он ведет? Строительство социализма без демократии имеет свою логику. Создание «экономических предпосылок социализма» сопровождалось не только ликвидацией старых буржуазных классов, но и новой социальной дифференциацией и перетасовкой, приведшей к формированию и возвышению нового правящего слоя «использователей революции», — слоя, идейно-политически цементируемого уже не столько традиционной интернационалистской и социально-революционной идеологией рабочего класса, хотя бы и в ее большевистском извращении, сколько национально государственной и ура-патриотической идеологией. До поры до времени, покуда не закончился процесс социального становления и политического самоопределения этого нового правящего слоя, продукта и носителя государственного капитализма, национально государственная идеология сопрягается еще в официальной фразеологии с «ленинизмом-сталинизмом». Но уже явственно выступают очертания нового времени, когда новые птицы запоют новые песни.

Ликвидация гвардии большевизма и переход к «всенародной демократии», прикрывающей социал - цезаризм, как первое, но не окончательное политическое оформление нового правящего слоя, — это две стороны одного и того же процесса, это «два проявленья стихии одной». Еще не ясна «функция» Сталина в этом процессе, им развязанном, но его же увлекающем со стихийной силой по пути «самотермидорства». Но уже теперь ясно, что линия Сталина, что политика Сталина, что сталинизм ведет к бонапартистско-фашистскому финалу — **со Сталиным,** если он, спасая свое самовластие, окончательно предаст революцию, **против Сталина,** если он вздумает упираться.

Как это произойдет? И когда это произойдет? Этого никто не знает. Возможно, что плебисцитарный характер выборов в Верховный Совет, укрепив личное положение «вождя народов», приведет даже к временной стабилизации старого режима в новой форме, к новой «передышке», купленной экономическими подачками трудящимся массам из «резерва уступок», весьма однако ограниченного в виду кризисного состояния «социалистического хозяйства». Но тот же плебисцитарный характер выборов, давший парламент без оппозиции, парламент мамелюков, исключает мирную эволюцию режима при помощи народного представительства и в рамках конституции.

Вот почему наиболее вероятным вариантом развязки является дворцовый переворот в стенах Кремля. Ведь сама реформа советской конституции была отчасти средством предотвратить и сделать невозможным дворцовый переворот. Едва-ли попытки дворцового заговора имели на самом деле место. Но даже только сгустившаяся опасность такого заговора дала, очевидно, толчек сталинской расправе со старой гвардией большевизма и ее «троцкистско-бухаринским охвостьем» во всех — донизу — звеньях партийного, военного, чекистского, советского, профсоюзного и хозяйственного аппарата. Но вот что важно. До этой тотальной расправы и чистки дворцовый переворот мог бы еще носить «левый» характер, как отчаянная попытка спасти большевистскую революцию от «Термидора» и «Брюмера», а то и от отечественной разновидности фашизма. В настоящих же условиях, **после** ликвидации костяка и головки старой большевистской партии, дворцовый переворот вероятнее всего откроет шлюзы для потока бонапартистско - фашистских настроений, зреющих в новом правящем слое, — даже независимо от суб'ективных намерений авторов переворота. Троцкий ошибается, опаздывая на исторические «полчаса», когда надеется, что свержение Сталина в порядке маленькой хирургической операции за спиной народа ограничится устранением злокачественной опухоли со здорового, по существу, тела большевизма.

⁂

Тов. Дан отвергает с точки зрения интересов революции, трудящихся классов и будущего нашей партии «верхушечные» методы ликвидации сталинизма в форме дворцовых переворотов. Я совершенно с ним согласен в этом вопросе. Основной вывод, который он зовет сделать всех социалистов из событий последнего времени, это «поворот к организованному, свободному, самодеятельному движению рабочего класса». Опять-таки, согласен. Но **как** т. Дан представляет себе реальные возможности, пути и цели этого движения, которое в условиях тоталитарной диктатуры не может быть «организованным, свободным, самодеятельным»? Ведь о том и идет речь, как добыть, как вырвать, как создать реальную возможность свободной организации и самодеятельности трудящихся, несовместимую с тоталитарной диктатурой? Получается порочный круг, разорвать который нельзя, цепляясь за старую концепцию мирной эволюции диктатуры в сторону демократии, подновленную по случаю новой советской конституции. Нельзя говорить: «надо рабочему классу убрать с дороги гниющий труп большевизма, чтобы двинуться вперед» и при этом оставаться на принципиально реформистской позиции по отношению к режиму диктатуры, «эволюционирующему» в сторону фашизма...

Надо отделить Сталина от революции, — говорит тов. Дан. Хорошо. Но отделить Сталина от революции можно, только отделив революцию от диктатуры. **Отделить Сталина от**

революции может и дворцовый переворот, — но только поставив на место одной диктатуры другую, которая может быть распахнет двери перед фашистской контр-революцией (отнюдь не однозначной с царско-помещичьей и даже частно-капиталистической реставрацией). Этот путь справедливо отвергается т. Даном. Но тогда остается путь **отделения революции от диктатуры** — сталинской и всякой другой. На этот именно путь стихийно, логикой вещей, опытом пережитого, крахом своих иллюзий мирного изживания диктатуры наталкиваются и все больше будут наталкиваться, как на единственный выход, трудящиеся массы и прежде всего рабочий класс. Наглухо заклепывая котел, под которым разгорается огонь недовольства, диктатура сама готовит взрыв. Случаев самоупразднения и даже самообуздания диктатур история не знает. Рано или поздно исторически засидевшиеся диктатуры сметаются волной народного движения.

Идея **мирной эволюции** советской власти была в «мартовской» концепции неразрывно связана с **тактикой соглашения** нашей партии с большевистской партией, как гегемоном «мещанско-крестьянской революции, окрашенной в цвета пролетарского утопизма» (Мартов). Но с тех пор международные и внутрироссийские условия, породившие мартовское «соглашательство», в корне изменились. И прежде всего — **исчез контрагент соглашения.** Дан сам констатирует, что нынешняя советская власть все больше противопоставляет себя революции и трудящимся классам. Дан сам говорит о полном перерождении старой большевистской партии. Дан сам характеризует большевизм наших дней, как «гниющий труп». С трупом не заключают соглашения. Его надо поскорее «убрать с дороги»...

Но тов. Дан пытается продолжать «мартовскую линию» без ее исторических предпосылок. Все свои мирнообновленческие и соглашательские расчеты он строит уже не на нынешней партии большевиков и не на коммунистической оппозиции (для него это — две двери, через которые войдет фашистская реакция), а на разного рода «активных элементах» («молодняк», «выдвиженцы», «рабочая аристократия»), из которых рекрутируется и формируется новое правящее сословие. Этот именно слой может и должен, по Дану, заменив в роли контрагента большевистского «гегемона революции», послужит «мостом» от нас к массам ,ибо только он, этот передовой слой, по своему положению в советском обществе, обладает всеми необходимыми качествами для выполнения исторической миссии — мирного перевода диктатуры в трудовластие на демократической основе и постепенного преобразования госкапиталистических «элементов социализма» в демократический социализм.

В сущности, это замаскированная сдача позиции соглашения. Никакой, самый «передовой» и «активный» социальный слой не может заменить организованной партии, как контрагента соглашения. Но и теория «моста» не спасает положения. Нет спору: в миллионных массах рабоче-крестьянской «аристократии» найдется немало элементов, способных к демократическому самоопределению и к активной борьбе с диктатурой, — но только в обстановке и под давлением широкого низового движения против диктатуры. В толще же своей этот верхний слой, своим положением обязанный сталинской политике дифференциации и коррумпирования трудящихся классов, по всей своей психике «использователей революции» мало годится **для той заглавной роли, которую** ему отводит т. Дан в своих тактических построениях.

Переоценка т. Даном политической сознательности и активности рабоче-крестьянской **верхушки** связана у него с недооценкой потенциальной демократичности, сознательности и активности **низов.** Как если бы сталинская дифференциация в рабочем классе обязательно приводила к отбору на **верхушке** новой социальной пирамиды активных и сознательных элементов, потенциальных социалистов и демократов, а в ее **основании** — темных «бунтующих рабов», способных лишь своим спонтанейным движением раскрыть двери анархии и частно-капиталистической реставрации. Странная концепция! И странная непоследовательность. Когда Дан и Югов говорят о предпосылках социализма в России, они усердно подчеркивают, как «завоевания Октября», возросший удельный вес и сплоченность пролетариата в городе, организующее значение коллективизации в деревне, поголовную грамотность населения, вовлечение миллионных масс в техническую и общеобразовательную учебу, почти поголовную профсоюзную и кооперативную организованность служащих и рабочих и т. п. А когда они говорят о возможном спонтанейном движении масс против диктатуры, они полны политического недоверия к низам. Все, подчеркиваемые ими, элементы сознательности и организованности масс идут сейчас на потребу диктатуре. Но ведь это может повернуться и против диктатуры.

И дальше. Когда Мартов, в полемике с Аксельродом, отвергал революционное отношение к большевистской диктатуре, он исходил не из принципиальной недопустимости такого отношения, а из конкретной исторической обстановки: только что закончившаяся гражданская война и интервенция, опасность буржуазной контр-революции и даже монархической реставрации со стороны поверженных, но еще не исчезнувших эксплоататорских классов, утопический, но еще революционный характер большевистской диктатуры и т. п. Но условия с тех пор существенно изменились: буржуазия и помещичий класс начисто ликвидированы, гражданская война стала «казарменной сказкой», крестьянство, по мнению Дана, примирилось с колхозами, рабочий класс, во время оно деклассированный, обрел свое социальное значение и численно вырос во много раз, а главное контр-революционная опасность да еще в ее наихудшей фашистской форме, растет не со стороны, а из недр самой коммунистической партии и ее бюрократического окружения. С другой стороны, так ли уже уверен т. Дан, что трудящиеся массы, измученные двадцатилетним гнетом одной диктатуры, непременно бросятся в об'ятия другой?

Дело идет не о вспышкопускательстве, не о повстанчестве, не о безответственном разнуздывании ярости масс. Дело идет о том, чтобы внести в политическую позицию нашей партии ясность, признать доказанную иллюзорность как расчетов на мирную эволюцию диктатуры, так и **тактики соглашения, перестать рассматривать себя, как «оппозицию его величества»,** когда в лице Сталина это «величество» превратилось из узурпатора революции в ее могильщика. Дело идет о том, чтобы считаться с возможностью — пусть, слабой на излете революции — широких и одновременных, хотя и по необходимости стихийных на первых порах, движений трудящихся против диктатуры. Дело идет о том, чтобы заранее не поворачиваться спиной к этим движениям и не наклеивать на них, безотносительно к условиям их возникновения, к их формам и целям, ярлыка анархии и контр-революционности. Задача социалдемократов, в случае возникновения таких движений, будет заключаться в том, чтобы по мере сил вносить в них просветляющие и организующие политические идеи. На опыте первых двух революций 1905 и 1917 гг. мы знаем огромную организующую роль политических идей, облегчавших об'единение «людской пыли» в организованные коллективы трудящихся и в органы революционного самоуправления.

Мы должны теперь же, **для себя,** выяснить наше отношение к переродившейся диктатуре, чтобы наша политическая линия в будущем, когда мы сможем понести ее в рабочие массы. отличалась убедительной ясностью. На двух пунктах я в двух словах считаю нужным тут же бегло остановиться: на вопросе о национализированной **промышленности** и на вопросе о колхозах. О реставрации частно-капиталистических отношений в промышленности не может быть сейчас речи. И на Западе классический капитализм «свободной конкуренции» уступает место идеям планизма, государственного контроля и регулирования, национализации транспорта, энергии и ключевых отраслей промышленности. Разбазаривание национализированных предприятий будет бессмыслицей и преступлением. В условиях **демократии** возможно будет сохранение самых широких рамок государственного капитализма. Но сохранение нынешней сплошной национализации окажется невозможным. В интересах под'ема материального благосостояния **рабочих масс и, в особенности, в интересах** столь необходимого союза пролетариата с крестьянством, надо будет, по слову Мартова, не цепляться во что бы то ни стало за «титул собственности», а руководствоваться при определении судьбы предприятия критерием высшей производительности, обеспечения социальных потребностей рабочих и интересов широкой потребительской массы.

И в деревню, все еще имеющую решающее политическое значение в России, особенно в демократической России, мы должны будем притти не с лозунгом декретного упразднения колхозов, а с лозунгом их разгосударствления, превращения их в добровольные кооперативы с правом свободного выхода из колхозов и с передачей машинотракторных станций в руки демократических местных самоуправлений и кооперативных об'единений.

Национализированные фабрики и заводы, машинотракторные станции и колхозы только в рамках свободы и народовластия, при действительной свободе коалиций, смогут из орудий порабощения трудящихся превратиться в «элементы ускоренного продвижения к социализму». Только демократическое преодоление диктатуры народным движением сможет обеспечить и поднять «политический потенциал» обороноспособности России, ослабить центробежные силы на ее окраинах, превратить ее в подлинно несокрушимый оплот против фашизма, оздоровить атмосферу мирового рабочего движения и облегчить его об'единение на основах демократического социализма.

П. Гарви.

Путь к социализму?

Успехи Советского Союза на экономическом и военном поприще внесли немалую смуту в умы некоторых товарищей. Правда, полного доверия и к этим успехам питать не приходится. Можно-ли верить им, когда одним росчерком пера «отменяются» результаты переписи или когда тяжесть сталинских репрессий ложится прежде всего на хозяйственников? Предварительная цензура делает в статистике поистине стахановские чудеса!

Но допустим, что в области экономической прогресс несомненен, что после двух десятков лет голода и лишений советское население достигло большей степени материального благополучия и что в области социального законодательства Россия занимает одно из первых, если не первое место. И в этом случае само собою напрашивается сравнение. Можно-ли быть уверенным, что через две-три четырехлетки и Германия не превратится в страну, где каждый «чистый» немец будет нагуливать жир в своем стойле, напоенном гитлеровскими ароматами? Тотальная власть в состоянии умерить стяжательный пыл буржуазии.

Я отдаю себе, конечно, полный отчет в различии между фашистским и сталинским режимом. Я знаю, что в последнем буржуазия уничтожена, а в первом она отказалась от своих политических прав, а отчасти и от экономических привилегий, лишь во имя сохранения своего социального господства. Несомненно, однако, что и в фашистских странах усиление власти государства может идти за счет экономического влияния буржуазии или, во всяком случае, ее громадного большинства. Как далеко пойдет раствор этих ножниц, нам неведомо, как неведомо и то, в какой точке земного шара ослабленный капитализм будет непосредственно заменен социализмом, и где, наоборот, придется пройти через фашизм.

Надо признать во всяком случае, что одного уменьшения политического влияния буржуазии и даже ее полного уничтожения недостаточно для социалистического строительства. Недостаточно и двух других моментов: исходного пункта процесса и суб'ективного желания руководителей этого процесса.

О последнем моменте не стоит и говорить в марксистской среде, хотя он и играет большую роль в концепциях как Троцкого, так и т. Доманевской. Упомяну лишь, что никогда и нигде никакая власть не господствует открыто **во имя** угнетателей и эксплоататоров, и меньше всего повинен в этом фашизм. Что кроется в действительности за идеологией власти, — это вопрос другой. В отношении фашизма у нас в общем разногласий на этот счет нет, и не это составляет предмет моей статьи. Но что касается сталинской власти, то доверие к ее словам существует. И об'ясняется это именно исходным пунктом возглавляемого ею процесса.

В Германии фашизм водворился как контр-революция, на закате революционного процесса, начавшегося после военного поражения. В России диктатура водворилась в ходе освободительного движения раньше, чем революция успела консолидироваться, и при участии пролетариата и солдат.

В 17-ом году русские социалдемократы добровольно отказались от контроля над властью. Советы, бывшие действительным представительством масс, устранились, под влиянием меньшевиков, от власти, предоставив ее Временному Правительству, никакой опоры в массах не имевшему. Большевики учли эту нашу ошибку, выкинув знамя «всей власти Советам». Пока Советы более или менее правили страной, и остатки рабочей демократии еще существовали, мы продолжали существовать в качестве оппозиции. Затем Советы, идейно ослабленные нашим самоустранением, окончательно сошли на нет. Упомяну мимоходом, что Троцкий немало содействовал централизации власти и освобождению ее от влияния рабочих масс. Сам того не зная, он прокладывал дорогу Сталину *).

С того времени диктатура партии, вернее — ее верхушки, ничем не умерялась, кроме интересов государственной власти. Политически ей не было никаких границ. Главный интерес правительства — экономическая и военная реконструкция — диктовал ей по отношению к населению систему ежовых рукавиц. Сопротивление могло быть лишь революционным или пассивным. Первое было невозможно из-за боязни возврата к старому режиму и едва-ли не еще больше из-за отсутствия демократических и революционных традиций и организационного опыта в рабочих массах, навербованных в деревне. Пассивное-же сопротивление крестьян было сломлено коллективизацией.

Полный и единственный хозяин страны в экономической области, большевистская власть находится в положении более благоприятном, чем тоталитарная власть в фашистских странах, действующая в рамках капиталистической экономики и вынужденная считаться с ее законами. Для большевистской власти экономические законы не писаны, ее экспериментам нет предела с тех пор, как всякая легальная оппозиция стала невозможной.

Революционные традиции и революционные цели, лежавшие в основе советской власти, превратились в мертвую догму, лишенную практического содержания. Возможно, что репрессии последнего времени вызваны ростом недовольства в народе, — у нас нет данных ни для утверждения этого, ни для отрицания. Бесспорно однако, что живые представители революционных и пролетарских традиций физически уничтожаются. Нет во всяком случае никаких оснований полагать, как это делает т. Доманевская, что репрессии уничтожили наиболее «термидорианские» части аппарата. Если и могло казаться одно время, что сталинская власть готова искать опоры в массах (октроирование конституции), то проведение выборов в порядке сплошного назначенства, вплоть до замены сверху проштрафившихся кандидатов другими, угодными, показывает, что власть попрежнему или даже больше прежнего боится масс и противоставляет себя им.

Диктатура сталинской власти достигла апогея. Отрыв от масс доведен до конца. Революционные лозунги стали фразами, ибо они не являются действительным отражением воли и деятельности народных масс. Революционная власть превратилась в свою противоположность. Сталинская власть, как наиболее совершенная форма тоталитарной диктатуры, является сейчас самым крупным препятствием на пути к социализму, несмотря на ее революционное происхождение и вопреки ее революционной фразеологии.

Что в аппарате могут быть недовольные режимом, в особенности среди тех, кто близко соприкасается с массами, — это вполне возможно и вероятно. Из этой среды могут вербоваться революционные элементы. Вполне возможно, что идеологически они будут требовать возврата к традициям Ленина и Троцкого, — недаром борьба с оппозицией ведется под флагом борьбы с «троцкизмом». На самом деле борьба со сталинским режимом возможна лишь как борьба демократически-революционного социализма против контр-революции.

Что представляет собою сталинизм? Термидор, бонапартизм? Дело не в термине. Ни тот, ни другой, ни даже реставрация не были простым возвратом к старому режиму. Путь к социализму оказывается более сложным, чем мы думали.

Но в самом-ли деле все теоретики социализма не предвидели этого? Французский социализм, к которому приковано сейчас внимание международного пролетариата, испанское пролетарское движение черпают свою идеологию не только у Маркса, но и у Прудона, предвидевшего опасности этатизации. Социализм невозможен без демократизма **политического и экономического.**

Рабочие массы это чувствуют. Революционизирование рабочих масс сопровождается ростом отрицательного отношения к сталинизму, превратившемуся из революционного фактора в фактор, тормозящий революцию. Нужны-ли примеры? Они общеизвестны. Не в малой мере обусловливается это превращение той коррупцией, обманом и произволом, которые введены большевизмом в систему и культ не **только** в России, но во всем мире. Тов. Шварц указал как-то на почетную роль, выпавшую на долю пролетариата, — быть защитником попранной справедливости (венское восстание, дело Сакко и Ванцетти и пр.). Московские процессы, испанские эксцессы большевиков, совершаемые якобы во славу социализма, наносят удар этой почетной роли пролетариата. А без нее не может быть пролетарской гегемонии в борьбе с фашизмом.

Борьба за наследство большевизма началась и в России, и в Европе. Намерена-ли русская социалдемократия устраниться от этой революционной борьбы? Партия — один из факторов исторического процесса. Если этот фактор отпадает, действие других усиливается. Каков бы ни был исход

*) В последнем номере «Бюллетеня оппозиции» Троцкий обзывает Вышинского и Заславского «бывшими белогвардейцами». Я, разумеется, не думаю брать под свою защиту этих ренегатов. Но они были меньшевиками и боролись с Лениным, Троцким и Сталиным во имя демократического социализма. Белогвардейцами они тогда не были. Троцкому либо изменила память, либо, что более вероятно, он и в изгнании ничему не научился и спор свой со Сталиным считает лишь личной распрей.

борьбы против сталинизма, ответственность падет и на социалдемократию, даже если она в этой борьбе участвовать не будет.

В октябре 1917 года социалдемократия удалилась на Авентин. Этой ошибки она повторять не должна.

М. Занд.

P. S. — Недостаток места не дает мне возможности коснуться роли СССР на международной арене. Вышедшая недавно французская брошюра Макса Вернера, встретившая сочувственный отклик в некоторых социалистических кругах, дает пример того, как не следует подходить к этой проблеме, и к каким вредным последствием ведет однобокий, скажу — не диалектический, подход к ней. Наряду с ценными мыслями мы находим в этой брошюре ряд утверждений, ведущих к полному одобрению сталинизма.

М. З.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ.

По неизвестной причине, стихии наперекор, писательская общественность решила проводить уходящий год весело и в канун Нового Года даже выпустила специальный номер «Литературной газеты» с дружескими шаржами, шутливыми стихами и маленькой новогодней стенгазетой писателей «Елки зеленые». Полстраницы занимает огромная елка для писателей с подарками: тут и автомобили, и дачи, и договоры о переиздании, а в центре фигура обиженного писателя, которому Дед-Мороз подарил только бумагу, чернила и перо; и плачет писатель — «Ну, что я с этим буду делать?» Среди шаржей, изображающих новогодние подарки, обращают на себя внимание два: На одном нарисована модель, около которой разбросаны головки девушек и парней с надписью: «Мекано. Специальный набор для писателей; позволяет расторопному малютке собирать из одних и тех же деталей бодрые романы, повести, поэмы, сценарии, драмы, комедии и т. д.». На втором рисунке изображена упитанная кукла с этакой вежливо-курчавеющей бородкой. Сопроводительная надпись гласит: «Кукла-критик. Умеет закрывать глаза». Ну что-ж, веселье на Руси издавна особое — со слезой в горле...

Но и помимо этого «веселого» номера «Литературной Газеты» имеются кое-какие признаки того, что писательская общественность, счастливо избежавшая нависшей над ней угрозы процесса о «Параллельном центре в литературе», решила приложить все усилия, чтобы выйти из создавшегося тупика. Может быть, в этой попытке не последнюю роль играют новые, нам еще неизвестные директивы. Как бы то ни было, но на литературном фронте началось некоторое оживление.

Руководители советской литературы рьяно занялись сейчас популяризацией еще одного новогоднего подарка — лозунга о б л о к е «к о м м у н и с т о в с б е с п а р т и й н ы м и».

Кто следил за долголетней тяжбой беспартийного писателя с его угнетателем — писателем с партбилетом в кармане, тому особенно интересно будет разобраться в первых откликах на этот новый лозунг. Оффициальные руководители изображают политический смысл его, как своего рода историческое «возмездие», как заключительный аккорд и долгой борьбе старых «попутчиков» против «зажимщиков». Задним числом это руководство обижается по поводу самого термина «попутчик» и злорадно издевается на счет Троцкого и его известной фразы о попутчике, о котором никогда не знаешь, до какой станции он поедет: «На деле-то, мол, вышло, что «слез» Троцкий, а попутчик, забравшись в темный угол литературной колымаги, терпеливо едет до конца...» Так разглагольствует на новом этапе новое начальство. А что до старых «попутчиков» — то иных уж нет, а те далече. Те же, кто еще существуют и не погибли в неравной борьбе, предпочитают отмалчиваться: укатали сивку крутые горки.

Любопытно однако, что с искренней радостью новый лозунг встречен в среде п и с а т е л е й-к о м м у н и с т о в, пришедших в литературу и з п р о в и н ц и и. Приехав в столицу, они нашли там знаменитое Рапповское руководство начала генеральной линии, кликушествовавшее на всех перекрестках о пролетариате, железным гребнем вычесывавшее «мелкобуржуазных паразитов» из произведений всех писателей, кроме своих собственных. Люди из провинции вообще почвеннее столичных. Писатель-провинциал с самого начала генеральной линии был просто оглушен ретивыми собратьями из руководства, но, по-провинциальному не зная что делать, больше жался к стенке. Чувствуя теперь, что в новом лозунге «партийные» только из вежливости поставлены на первое место, а настоящий «герой эпохи» — п о с л у ш н ы й б е с п а р т и й н ы й, они хотят быть корректными и приглашают на основе нового лозунга «со всей решительностью ударить по рукам тех из писателей-коммунистов, которые стремятся изолироваться на каких-то якобы только им доступных «горних» идеологических высотах от честных беспартийных писателей». Им уже рисуется целая программа литературы: все то, что кажется нам беспринципным, карьеристическим, подозрительным, саморекламным, мелко-личным, все это должно теперь более чем когда-либо, привлекать обостренное внимание советских писателей» (В. Г е р а с и м о в а «Залог новых творческих побед»).

Увы, не нова эта программа и не новы иллюзии о возможностях ее осуществления в рамках оффициальной идеологии. В сущности ту же программу на разных этапах революции пытались с большим пафосом проводить различные писательские группировки: сначала «попутчики», потом — на излете нэпа — «пролетарские писатели», наконец, в начале генеральной линии и в середине второй пятилетки — «Перевальцы». Сплоченное меньшинство из литературного руководства неизменно расправлялось с этими попытками. Но разве не симптоматично, что несмотря на все поражения на смену разбитым иллюзиям возникают новые?

После долгого молчания вновь начинает писать кое-кто из старых «попутчиков». Повесть З о щ е н к о «Возмездие» ведется от имени работницы члена завкома одного из Ленинградских предприятий, поделившейся в годовщину Октября воспоминаниями о своей жизни. Повесть интересна не столько личностью рассказчицы, сколько попыткой писателя сломить тот языковой стандарт, отдающий несносной сладенькой литературщиной, которым у нас пишутся все биографии «знатных людей». Остановиться хочется на одной черте этой повести: принято думать, что мрачные краски в изображении дореволюционного прошлого, которые сейчас в связи с выборами в Верховный Совет стали особенно популярны — специальный заказ Ежовских молодчиков. Нет, это неверно: потребность изображать дореволюционное прошлое в мрачных, беспросветных тонах органическая потребность у людей, поднявшихся в результате революции на более высокую социаль-

ную ступень и отвечает их смутной потребности в самооправдании... При всем том, собственный писательский голос Зощенко кажется сорванным и едва-ли ему удастся удержать то место в литературе, которое он занял в начале революции.

Конец года ознаменовался и новым большим романом Гладкова «Энергия», первые две части которого вышли еще в 1932 году. Чуть не рядом с Гладковской «Энергией» печатается сейчас роман Малышкина «Люди из захолустья», посвященный строительству той же первой пятилетки. Сопоставляя эти два произведения, убеждаешься в том, как потускнел автор некогда нашумевшего «Цемента». Хотя роман писался в 1937 году, он весь выдержан в тонах индустриального романа начала генеральной линии, когда авторы обязаны были живописать только руководителей стройки и героев-ударников. Вся остальная масса трудящихся выступала сплошным угрюмым массивом жадных сезонников, которых каждый мог огреть окриком: «Куда прете, дуроломы?» Ни один из прославляемых Гладковым руководителей Днепростроя не имеет своего лица, своего голоса. Все эти Ватагины, Глебы Чумаловы состряпаны из старческой сентиментальности и бодряческих мотивов о «старой гвардии». Своей «смене» они ни в чем не хотят уступить. Особенно это выпирает в сцене состязания на скорость в беге начальника строительства Ватагина с бывшим беспризорником Вакиром, ныне ставшим «героем» пятилетки. Мертва, как образ, одна из центральных фигур романа — бывшая беспризорница, а ныне инженер Надежда Братцева: ни одного верного душевного движения, ни одного слова, сказанного без оглядки — «Мекано». Весь пыл стареющего сердца хочет Гладков отдать «героической молодежи», особенно девушкам ударницам. У них не груди, а «грудишки», не кудри, а «кудряшки», и вообще они не девушки, а «девчушечки». И становится как-то неловко и больно за Гладкова...

Совсем в другой плоскости развернут роман Малышкина «Люди из захолустья». Маленький, захолустный Мшанск, разжалованный революцией из города в деревню. Он родина людей, которых революция и пятилетка расбросали по всей стране, ибо «с корнями пошла вся Россия». Одного из Мшанских жителей, — Соустина Николая, — родной брат Петр, имевший каменный ларек на базаре, стал выводить «в люди», послал учиться в Москву. А тут война, революция. Николай был в Красной Армии, вернувшись в Москву, мечтает закончить высшее образование, стать химиком, да жить надо. Пристроился сотрудником в «Производственную газету» эпохи генеральной линии. Брат его Петр, ускользая от «железного гребня», которым «прочесывают» всю Россию, подался на строительство на Урал, пристроился на заводском складе, подкрадывается к кооперативу, завязывает связи с заведующим, «родным человечком», бывшим содержателем вокзального буфета. Совместными усилиями Петра и Сысоя Яковлевича дефицитные товары из кооператива неизменно уплывают на базар, где продаются по вольным ценам. Вместе с Петром на строительство приехали еще несколько Мшанских жителей и поступили рабочими. Перед читателями проходят рабочие бараки, нищета, попытки рабочих стачек, святые пятилетки, вроде коммуниста Подопригоры, искренно убежденные в том, что рабочий класс должен вытянуть строительство и увещевающие строптивую и нищую рабочую стихию.

Роман еще не окончен, но, боимся, не сдобровать Малышкину, хотя писатель он относительно старый, известный, политически проверенный, автор «Взятия Даира» и «Севастополя», один из зачинателей советской литературы. Талант Малышкина не оригинальный, но сильный, люди у него нарисованы теплой тушью, живут, мучаются, приспособляются. Но влетит Малышкину не за то, что умеет он тепло писать о своих людях и правдиво передавать злодеев и героев. Влетит ему за другое.

В течение последних пяти лет оффициальные советские публицисты голоса надорвали доказывая, что созданные в результате генеральной линии экономические «предпосылки социализма» радикально изменили весь социальный облик страны и общественные отношения между людьми. Да, страна перевернута. Но роман Малышкина показывает, что в этой новизне не только жива «старина», но что она обладает прежней изворотливой живучестью и, приспосабливаясь к новому, она старается это новое приспособить к себе. Из его произведения встает старая, мелко-буржуазная Россия, сорванная с древних петель, переживающая очень трудный этап своей революционной жизни, и несмотря на всю муку жадно хотящая жить. Но как жить? Не в качестве об'екта грандиозного эксперимента, а жить по-своему. «Ты злее в жизнь-то смотри, злее», не без успеха внушает Петр своему брательнику, бывшему Мшанскому гробовщику Журкину, — «нас не жалеют, а нам зачем жалеть?»

В. Александрова.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ФРАНЦУЗСКИЙ КРИЗИС.

Несколько недель тому назад во Франции был раскрыт большой фашистский заговор. Выяснилось, что заговорщики стояли в тесной связи с международным фашизмом: это доказывается уже современным германским и итало-испанским оружием, найденным в их складах. Арестованные вступили на путь признаний. Теперь можно считать установленным, что именно так наз. Комитет Спасения и Революционного Действия (КСАР) организовал в сентябре в Париже взрыв дома союза французских предпринимателей, причем убиты были два полицейских, и дома союза французских металлопромышленников, расчитывая подбросить это преступление «большевикам». Установлено точно так же, что те-же заговорщики убили в начале июля, по поручению итальянского фашизма, известного итальянского анти-фашиста, Карло Росселли и его брата. Им вменяются в вину и другие политические убийства (напр., убийство Навашина). Энергичное вмешательство социалистического министра внутренних дел Дормуа разорвало завесу, скрывавшую эту преступную деятельность. Все новые и новые факты выволакивались на свет. Следы реакционного заговора вели уже к стоящим за кулисами великим мира сего, к столпам буржуазного общества. Уже переходили из уст в уста имена высоких военных чинов и крупных капиталистов, стоящих под угрозой ареста. И **в этот именно момент было свергнуто французское правительство Народного Фронта.** Чудесные бывают случайности в капиталистическом мире!

Конечно, не только заговор играл тут роль. В грандиозной волне стачек, сопровождавшей победу Народного Фронта, французские рабочие сделали громадные социальные завоевания, добились настоящей революции во французском рабочем праве. Но, когда срок заключенных тогда договоров истек, предприниматели начали отказываться от их возобновления. Они не принимали решений государственных третейских инстанций; они не только мешали дальнейшему развитию социальной политики, но саботировали и существующие постановления ;борьба между капиталом и трудом все обострялась. Следствием была возростающая нервность рабочих, усиливаемая еще ростом дороговизны. Стачки, локауты, оккупации фабрик — были естественным результатом такого положения дел. Министр-президент Шотан созвал совещание предпринимательских и рабочих организаций для укрепления «социального мира» и обсуждения нового основного закона по рабочему праву. Генеральная Конфедерация Труда (СЖТ) приняла приглашение на совещание. Союз

предпринимателей (тот самый, который подозревается в провокационном взрыве своего собственного дома) отклонил его. Одновременно снова начал падать франк: «стачка капитала» была пущена в ход против валюты своей собственной страны, — и это оружие подействовало! Выступая в палате, Шотан нашел лишь резкие слова по адресу рабочих и ни одного упрека по адресу капиталистов. Коммунистам, заявившим, что, при голосовании резолюции доверия, они воздержутся от голосования, он ответил, что в их голосах не нуждается. После этого социалистические министры подали в отставку. **Бунтовщики - финансисты, капиталисты-саботажники победили:** второе правительство Народного Фронта приказало долго жить...

Все последовавшие перипетии французского **правительственного кризиса** со всевозможными планами, переговорами, закулисными махинациями, недоразумениями, заявлениями и контр заявлениями, в том числе и стычками между обеими рабочими партиями, скоро забудутся. Останется результат — образование нового правительства Шотана, являющегося правительством Народного Фронта едва-ли не по имени только: оно образовано одними радикалами, социалисты его лишь поддерживают, коммунисты «толерируют». Этот результат был предрешен в бурном ночном заседании Совета социалистической партии, в котором оказалось большинство против участия в новом правительстве, поскольку оно не будет настоящим правительством Народного Фронта (со включением коммунистов). Большинство было незначительным и к тому-же само оно было расколотым*). Но, как бы то ни было, впервые за ряд лет партийный совет принял решение против Леона Блюма.

В какой мере этот правительственный кризис является и **политическим кризисом** французской левой?

Линия развития Народного Фронта идет от правительства Блюма, т. е. первого правительства Нар. Фронта под руководством социалистов, в котором коммунисты не приняли участия по соображениям неумной демагогии, через первое правительство Шотана (второе правительство Нар. Фронта под руководством радикалов, но с участием социалистов) ко второму правительству Шотана, радикальному правительству без участия социалистов и лишь с поддержкою социалистов. Неудача попыток, предпринятых Блюмом в ходе кризиса, доказала, что, вследствие недоверия и отталкивания буржуазных элементов от коммунистов, никакая другая комбинация невозможна.

Таким образом, линия развития ясна. Она сводится к тому, что в правительстве и парламенте Нар. Фронт все меньше находит выражение, все слабее проявляется в парламентских формах и все больше скатывается к старым партийным комбинациям и картелям. Но это не значит, что в стране роль Нар. Фронта, как политического фактора, сыграна. Даже на парламентской почве радикалы не решаются еще передвинуть свое правительство и свое большинство вправо. **В самих массах идея Нар. Фронта все еще обладает мощью и сопротивляемостью.** Это обнаружилось бы при всякой серьезной угрозе демократии, и при всяких новых выборах Нар. Фронт образовался бы снова. При всякой угрозе стране — напр., при военной опасности — Нар. Фронт расширился бы на обе стороны в единый национальный фронт — от коммунистов до крайней республиканской правой. Хотя и ослабленный, Нар. Фронт и сейчас остается политическим стержнем французской демократии.

Это ничуть не меняет того факта, что на Нар. Фронт давят изнутри социальные антагонизмы, классовые противоречия, ослабляющие его и в своем дальнейшем развитии грозящие его взорвать. Этот **социальный кризис** очень ясно проявился в последнем правительственном кризисе и образованием нового правительства не только не ослаблен, но обострен. Перед этим правительством, как и перед его предшественниками, встает классовая проблема финансов. Социальная политика стоит денег, вооружения стоют денег, а капитал не склонен давать деньги взаем правительствам, делающим уступки рабочему классу. Если правительство урежет социальную политику, повысит налоги на массовое потребление, то раньше или позже рабочие партии откажутся следовать за ним, а попытка его править голосами правых была бы воспринята, как измена существующему в стране левому большинству и вряд-ли спокойно принята рабочими. Если же правительство попробует продолжать социальную политику, а тем более содействовать повышению заработной платы, оно тотчас же натолкнется на ожесточенное сопротивление капитала с бегством его заграницу и аттаками на франк. На принудительные меры против капитала не отважится ни одно буржуазное правительство. Поэтому новое правительство вынуждено будет, — пока это можно, — лишь лавировать: продолжение социально-политической паузы с призывами к патриотизму «хозяйства», умеренная социальная реакция с подчеркнутым исповеданием политической демократии.

Это значит: и в своей нынешней, третьей фазе Нар. Фронт все еще выполняет, хотя и в ослабленной форме, функцию **защиты демократии.** Но в социальном отношении он не несет массам никаких обетований и тем более свершений. **«Опыт» правительственной деятельности без завоевания власти рабочим классом**, о котором Блюм говорил при зарождении Нар. Фронта, показал ныне свои возможности. Рабочий класс может политически успешно правительствовать в буржуазном государстве, если ему удается осуществить союз с частью буржуазных и средних слоев и, по крайней мере временно, подчинить их своему руководству: такое правительство может иметь весьма существенное значение для отбития аттаки фашизма, для охраны свободы и демократии. Но такое правительство не только не может, — как заявил с самого начала Блюм, — выйти за пределы капиталистического хозяйства, но и при попытке передвинуть в рамках нынешнего строя соотношение общественных сил и увеличить долю рабочего класса в общественном продукте наталкивается, при теперешнем состоянии капиталистического общества, на возростающее и под конец бешеное сопротивление. Ответом буржуазии на социальную политику Нар. Фронта было бегство и стачка капитала, смертельное для всякого правительства, не располагающего принудительным хозяйством, удушение валюты и — фашистские склады оружия.

Если Леон Блюм не вывел еще открыто перед французским рабочим классом эти **уроки «опыта»**, то, конечно, лишь потому, что в период опасного внешне-политического напряжения хочет предотвратить внутренне-политические потрясения. Опасение войны, надежда на возможность избежать ее, стремление не дать насторожившемуся фашистскому врагу повода спекулировать на разложении и слабости французской демократии (стремление, соответствующее присущей французским народным массам страстной жажде мира) об'ясняют многое в нынешней французской политике. Но если Леон Блюм молчит, то громким и ясным языком говорят **голосования внутри социалистической партии.** Наряду с крылом, быстро усвоившим навыки правительственной партии, дает себя знать несломленный боевой дух и повышенное благодаря начальным успехам Нар. Фронта самосознание французских рабочих. Конечно, тут перемешиваются — и частью распадаются на два течения в партийной оппозиции — марксистски вышколенное классовое сознание и туманный пацифистско - революционный негативизм, принадлежащий к традициям французского рабочего движения. Но не подлежит сомнению, что опыт и успешная социальная политика Нар. Фронта привели не только к бюрократизации одной части, но и к радикализированию другой части этой живой партии.

Но **развитие французского социализма** имеет величайшее значение для всего международного рабочего движения. Это значение имеет уже тот факт, что, как снова очень ясно показал последний правительственный кризис, политически решающий центр тяжести в Нар. Фронте и, следовательно, и в стране вообще лежит в социализме. Коммунисты, быть может, сильнее по быстрому приросту и легкому вовлечению новых членов, но они значительно слабее по числу избирателей, а тем более по политическому влиянию. Они за последние годы слишком част меняли позиции, слишком много выкидывали лозунгов, слишком усердно «протягивали руки» во все стороны. Над ними тяготеет к тому же их зави-

---

*) Из трех противостоящих друг другу резолюций резолюция Блюма-Фора (за участие в правительстве, опирающемся на нынешнее большинство) собрала 4.035 голосов, резолюция Жиромского-Брака (против участия в правительстве, не являющемся настоящим правительством Народного Фронта) — 2.659 голосов и резолюция Марсо Пивера (против всякого участия) — 1.496 голосов.

симость от Москвы, упадок престижа Советского Союза, вызванный сталинскими казнями, компрометация, разложение и упадок веры в рядах международного коммунизма. Нет сомнения, что во Франции, как и повсюду, момент благоприятен для собирания пролетарских сил на почве **демократического социализма** — правда, при условии, что то будет не старый, усталый, реформистский, а **обновленный, активный, проникнутый наступательным духом** демократический социализм.

Отзвуки этого изменившегося и богатого большими возможностями положения в международном рабочем движении явственно звучали на последней сессии Исполкома РСИ. И в той новой ситуации, которая складывается, французской партии предстоит стоять в первом ряду. По многим причинам французскому Нар. Фронту не довелось провести в сфере внутренней и внешней политики того стремительного наступления, какого многие от него ожидали. Но развитие не остановилось. Оно характеризуется бурными сдвигами в мировой политике, возростающею угрозою миру, обостряющимся напряжением внутри страны. Не разлагающийся во всем мире большевизм, расстреливаемый диктатором, приведет мир к освобождению, — только демократический социализм сможет выполнить эту миссию, если сумеет сам себя революционно высвободить из национальной узости и реформистского окостенения.

Аустриакус.

В ЛАТВИИ.

Нам пишут из Латвии:

Похоже на то, что все планы так называемого «корпоративного» устройства ожидает жалкий провал. Рабочая палата никаким влиянием в рабочей среде не пользуется. То же можно сказать, поскольку речь идет о крестьянской массе, и о сельскохозяйственной палате. Промышленная оказывает правительству систематическую оппозицию. Культурную-же, вот уже два года, вообще не удается создать. Ходят весьма достоверные слухи, что проект создания законосовещательного органа из этих палат уже оставлен, и посланнику в Варшаве, близкому другу нашего доморощенного «вождя», поручено смастерить кое-что на польский манер.

Линии внешней политики не так просты, как это может казаться на первый взгляд. В силу ряда обстоятельств «мы» не можем открыто примкнуть к политике фашистских государств, в частности Германии. Да и вообще латвийская фашистская диктатура не может вести какой-либо определенной и ясной политики. Отойти от Англии она не может, хотя сама Англия при случае вряд-ли будет особенно считаться с Прибалтикой, т. е. с тем, каковы будут судьбы независимости прибалтийских государств, если при каком-нибудь «мирном дележе» оказалось бы нужным изменить положение, существующее в Восточной Европе.

Кроме того диктатура должна считаться с почти поголовным «антигерманским» настроением в народных массах. Пока дело до войны не дошло, можно, конечно, водить дружбу с германским фашизмом. От него многое заимствуется по части «идеологии» и внутренней политики. Но, если дело дойдет до столкновения наших добрых больших соседей и нельзя будет сохранить нейтралитет (на что вряд-ли у кого есть серьезная надежда), то, повидимому, ставку собираются ставить все-же на Восток. Так, по крайней мере, обстояло дело до последнего времени. Отсюда — обменные визиты начальников латвийского и советского генштабов. Между прочим, прием Егорову в военной среде был устроен очень сердечный, хотя наш «вождь», в отличие от «вождей» литовского и эстонского, лично Егорова не принял. Но сами советские люди говорили, что у военных прием сердечнее всего был именно в Риге. В городе говорили: «свояки встретились» — старые русские офицеры (наши офицеры в чине подполковника и выше почти все сплошь еще из старой императорской армии). В военной среде и это до известной степени определяет симпатии на случай чего. Так и выразилось одно важное по нынешнему времени лицо: «придут немцы — всех перебьют, придут русские — все-же процентов 50 оставят!»

В цепь этих внешне-политических исканий надо отнести и визит нашего министра иностранных дел в Москву, где его удостоил беседы сам «вождь народов». Но отсюда и начинается некоторое раздумье. Казнь Зиновьева и Каменева «нас» не огорчила и не встревожила. «Мы» даже радовались: «наконец-то Сталин кончает с мировой революцией и правильно поступает со своими противниками!» Другое дело — казнь Тухачевского и его товарищей и вообще «чистка» армии. В мысль правящих кругов начинает вкрадываться сомнение относительно силы и крепости русской армии. Теперь и сама беседа «вождя народов» с министром маленькой страны стала некоторыми (правильно или неправильно) толковаться, как признак слабости большого соседа: «повелитель гигантского государства, а «ухаживает» за нашим маленьким Мунтерсом! Должно быть, дела плохи. Да и не подумывает-ли уж Москва о том, чтобы столковаться с Берлином?» Таковы, примерно, разговоры в правящих кругах и настроения, подготовляющие как будто некоторый поворот во внешней политике: поиски своего рода перестраховки в Польше. Уже на недавнем с'езде торговцев и промышленников наш министр иностранных дел в весьма теплых выражениях оповестил, что в январе в Риге ждут Бэка, от визита которого многое будет зависеть, а совсем на-днях в Двинске (городе, имеющем в случае войны весьма важное значение для Польши) наш военный министр счел нужным сказать в своей речи несколько лестных слов о Польше и былой совместной борьбе против общего врага. Надо сказать, что польские представители в Риге очень активны.

Однако настроения ныне быстро меняются. Мечта о создании нейтральной зоны: Финляндия-Польша-Румыния может скоро рухнуть. Между прочим, уже сильно трещит союз Латвии с Эстонией. Пока военный союз между ними мыслился, как оборонительная позиция против России, он держался крепко, хотя эффективная сила его на случай войны вряд-ли была особенно велика. Ныне-же, когда со стороны Москвы никакой опасности как будто не угрожает, прибалтийские «братья» снова начинают «семейную ссору».

В общем, конечно, правильно, что наш «вождь» обезьянничает с Гитлера, но примкнуть целиком и активно к его внешней политике кажется все-же опасным. С другой стороны «мы» недовольны, конечно, французским Народным Фронтом, даже в его нынешнем виде. Еще летом бывший посланник в Москве Озолс привез «нам» из Парижа сведения (почерпнутые из разговора с его бывшим коллегой по дипломатическому корпусу в Москве — Черутти, итальянским послом в Париже), что скоро и во Франции Народный Фронт кончится так же, как в Испании, ибо правые вооружаются. Это «нас», по неизмеримой глупости нашей, весьма окрылило: как будто, даже с чисто националистической точки зрения, спасение латышей заключается в победе фашизма в Европе!

Последние процессы прошли с несколько более мягкими приговорами. Отсюда, конечно, никаких выводов еще делать нельзя. И репрессия развивается у нас волнообразно. «Вождь» ныне опять очень сердит на «Попюлэр», будто бы обозвавший его в какой-то статье гитлеровской обезьяной: подписчикам пока прекращена доставка этого органа.

ЮБИЛЕЙ БУНДА.

Ошибочным было бы думать, что 40-летие Бунда явилось только праздником для Бунда, для активных и преданных его членов и сочувствующих. По всем данным, можно со всей определенностью сказать, что юбилей Бунда вылился в импозантную демонстрацию, всколыхнув и захватив самые широкие еврейские трудящиеся массы в Европе и Америке. Мы оказались свидетелями грандиозной демонстрации верности Бунду со стороны еврейских рабочих, демонстрации братской солидарности с Бундом со стороны всех социалистических и профессиональных организаций, — наконец, демонстрации признания заслуг Бунда в политической, социальной и национальной сфере, — признания, открыто выраженного Бунду широкой демократической общественностью, часто без различия направлений. Эта волна сочувствия несомненно относится не только к героическому революционному прошлому социалдемократической партии еврейского пролетариата, — нет, это славное прошлое и его традиции были бы недостаточно действенны, если бы широкие массы не видели и сейчас в Бунде, — главным образом в массовой организации Бунда в Польше, — залог будущего, весть надежды на грядущее освобождение.

Юбилей Бунда, получая особенно актуальное и политическое значение в Польше, в то же время заставил громче и радостнее забиться сердца многих тысяч еврейских социалистов и рабочих повсюду, где звучит свободное социалистическое слово. И только в странах фашистской реакции, где друзья и борцы социализма загнаны в подполье и брошены в тюрьмы, — не дано было еврейским рабочим манифестировать открыто свою симпатию и верность Бунду. Еще более трагическим в юбилейные дни оказалось положение с.-д. Бунда в Советской России, — положение старых бундистов, томящихся уже 10 и 15 лет в коммунистических тюрьмах и в гиблых местах ссылки, — имена которых навеки вписаны в историю Бунда и о судьбе которых напомнил тов. Абрамович в своем юбилейном приветствии. Правда, сталинская диктатура, можно сказать, на свой лад отметила юбилей Бунда, — когда как раз в последние дни подвергла гнусной травле одного из бывших руководителей Бунда А. Вайнштей-

на - Рахмиэля (перешедшего к коммунистам в 1921 г.), обвинив его не в чем ином, как в неискоренимом бундизме и в «идеализации Бунда» и ликвидировав его именно по этой статье (см. «Эмес» от 27 ноября).

Польша естественно явилась центром юбилейных торжеств. Для польского Бунда праздник 40-летия совпал с серьезным и ответственным моментом. Разгул антисемитизма, волна погромов, поползновения реакции ввести такой режим бесправия, который должен не столько нанести ущерб, сколько ущемить достоинство человека и гражданина в польском еврее, — вся эта обстановка выдвинула задачи чрезвычайной трудности перед партией еврейского пролетариата. И надо сказать, что польскому Бунду в своей деятельности и в своей героической борьбе удалось вызвать самый широкий резонанс не только среди еврейских рабочих, — но и среди трудовой интеллигенции и в широких слоях мелкой буржуазии. Кампании протеста против погромов и антисемитизма, так же, как и выборы в органы самоуправления и в еврейские общины, — проведенные в 1936 и 1937 годах, воочию показали, что Бунд в Польше об'единил вокруг себя большинство еврейского демократического населения, что его борьбе и работе сочувствуют и отдают ему голоса все прогрессивные элементы еврейства, — и не случайно, что на выборах в Варшаве, Лодзи, Вильне, Белостоке и др. Бунд прошел на первом месте, как самая влиятельная еврейская политическая партия, оставив далеко за собой и сионистов, и ортодоксов. Не последнюю роль в той победе, которую одерживает Бунд в еврейской среде, сыграл постоянный и тесный контакт Бунда с польским социалистическим и профессиональным движением, — рука об руку с Бундом идущим в борьбе с реакцией и в борьбе с погромным и «культурным» антисемитизмом...

Кульминационным пунктом юбилейных торжеств явился с'езд Бунда, состоявшийся 13 ноября. В этот день с утра с'езду предшествовала грандиозная манифестация молодежи, — «Цукунфта» и «Скифа». В такую же манифестацию превратился и самый с'езд, на который с'ехалось со всех концов страны свыше 1.000 делегатов. Старейший деятель Бунда тов. Нейах открыл с'езд. В президиум, кроме членов ЦК Бунда, вошли также Пати Кремер и Анна Розенталь, представители бундовской «старой гвардии» и д-р Брам, один из основателей галицийского Бунда. Вл. Коссовский, один из признанных вождей Бунда и участник 1-го с'езда, по болезни отсутствовал. После приветственных речей т. Заговского (от Центр. комиссии профсоюзов), т. т. Зарембо, Чапинского и Патека (от ППС), тов. Вайнберга (председателя Арбейтер-Ринга в Америке) и представителя Бунда в Румынии, с'езд выслушал доклады тт. Эрлиха и Альтера и принял особый Манифест, оглашенный т. Вассером.

Несомненно, что самым сенсационным моментом на с'езде была неожиданно раздавшаяся по радио из Брюсселя речь председателя РСИ, т. де-Брукэра, вызвавшая прямо энтузиазм участников с'езда. Среди бесчисленных приветствий, полученных польским Бундом, отметим телеграммы и письма от РСИ, Амстердамской Федерации Профсоюзов, от социалистических партий почти всех стран, от отдельных лиц: Каутского, Л. Блюма, Вандервельде, Стаунинга, Ф. Адлера, В. Ситрина, Недзялковского, Эттли и мн. др. Отметим также приветствие нелегального Бунда в Латвии, а также телеграммы и письма старых деятелей Бунда, — в том числе Джона Милля (участника 1-го с'езда Бунда). Ф. Курского, Р. Абрамовича, проф. Герша, Б. Владека, Н. Ханина, С. Брауна и мн. др. Многие культурные и общественные организации и почти все профсоюзы приветствовали Бунд.

В связи с юбилеем польский Бунд выпустил специальный номер «Фольксцайтунга» с иллюстр. приложением. К этим дням была приурочена установка памятников на могилах видных деятелей Бунда: Кремера, Лихтенштейна, Хмурного и др. Образованное при ЦК жюри по литературе, театру, школе и культуре и социальным наукам выдавало в юбилейные дни премии лицам, отметившим себя трудами в соответствующих областях.

С'езд в Варшаве послужил началом бундовских торжеств в Польше. В течение ноября-декабря не оказалось в стране ни одного пункта, где не был бы отмечен юбилей Бунда.

В Нью-Иорке в связи с 40-летием Бунда образовался обширный комитет, куда наряду с деятелями Бунда, вошли почти все представители демократической и социалистической еврейской Америки. Отделения Комитета возникли и в других городах. «Форвертс», «Арбейтер-Ринг», професс. союзы принимают самое активное участие в юбилейной кампании. 18 декабря состоялся в Нью-Иорке грандиозный митинг, для участия в котором выехал из Польши тов. Эрлих.

В Париже 12 декабря состоялся в честь юбилея Бунда под председательством т. Ф. Курского митинг, привлекший свыше 2.000 участников. С речами выступали известный еврейский поэт Давид Эйнгорн, Пиетро Ненни, Брак, т. Вайнберг, Р. Абрамович, Ф. Дан (от Загр. Делегации РСДРП и парижского с.-д. клуба имени Мартова), В. Альтер от ЦК Польского Бунда, Михальчук (от польских социалистов), Р. Гинцберг (от «Арб.-Ринга» в Париже), а также представители молодежи. Собрание прошло с чрезвычайным под'емом.

К с'езду Бунда в Польше было послано Загр. Делегацией РСДРП и Бунда в России за подписями т. т. Дана и Абрамовича следующее приветствие: «Горячо приветствуем 40-летний юбилей нашей братской партии, с которой мы долгие годы совместно боролись с царизмом и капитализмом. Шлем вам пожелание успеха в вашей героической борьбе за демократию и социализм, в борьбе за освобождение еврейских народных масс».

Г. Аронсон.

ПО РОССИИ

КОЕ-ЧТО О «МЕНЬШЕВИСТСКОМ ПРОЦЕССЕ» 1931 ГОДА.

Пришлось на-днях в беседе с одним видным советским деятелем вспомнить об одном из, так сказать, родоначальников нынешних кровавых процессов — о так наз. «меньшевистском» процессе 1931 года. По своему положению мой собеседник имел тогда возможность говорить с очень хорошо осведомленными людьми и сам несколько раз был на процессе. Большая часть из того, что он рассказал, была, конечно, и раньше известна. Но были в его рассказе и кое-какие новые черточки. Передаю то новое, что было в рассказе, по возможности собственными словами моего собеседника и от его лица.

В постановке той серии «вредительских» процессов, в которой такое крупное место занял процесс «меньшевистский», особую роль сыграл тогдашний секретарь Московского комитета, Л. Каганович. Советское хозяйство хромало в то время на обе ноги, и с особыми перебоями работали Московские промышленные предприятия. В партийных массах, и опять-таки особенно в Москве, наблюдалось по этому поводу большое брожение и волнение, назревало критическое отношение к «вождям» и раздавались упреки по их адресу. Надо было найти козла отпущения и на его голову отвести недовольство. Такой козел отпущения был найден в лице бывших меньшевиков, весьма многие из которых занимали видные посты в аппарате высших экономических органов — в Госплане, в СТО, в ВСНХ. Хозяйство разваливается потому, что — меньшевики саботируют и вредительствуют! За эту тему и ухватился особенно Каганович, как секретарь той организации, в которой партийные массы были взбудоражены наиболее сильно. Он потребовал от ГПУ решительных действий и недвусмысленно намекнул, что, если ГПУ не справится с возлагаемой на него задачей, то Политбюро придется заняться самим ГПУ.

На верхах компартии ясно отдавали себе отчет в характере процесса. Но и средний партиец понимал, что подоплека процесса чисто политическая, что это начало «выкорчевывания» всех остатков меньшевизма из хозяйственных органов. К существу процесса относились скептически, как впрочем даже и к процессу Рамзина. Но что самое главное — об этом скептицизме в то время можно было еще открыто говорить, и о нем, не стесняясь, открыто говорили в партийных кругах: не то что в 1937 году, когда все молчали и делали вид, что целиком верят всем гнусным обвинениям, выдвинутым по адресу Пятакова и его сотоварищей по процессу! В такой гигантской степенин деморализовал с тех пор сталинский террор партийную среду!

Не вызывало сомнений, что признания обвиняемых добились угрозами и, может быть, пытками. Общее убеждение в публике было: ГПУ на все способно. Сами обвиняемые выглядели во время процесса неплохо и у них — за исключением, разве, Рубина — не замечалось особой подавленности. Отвечали обвиняемые на вопросы прокурора большей частью без тени внутреннего сопротивления, иногда ответы их производили впечатление ответов старательных школьников; такими мне показались в особенности ответы Гинзбурга. Когда я пытался разрешить для самого себя загадку поведения обвиняемых на суде, я склонялся к предположению, что их сломили еще за несколько недель до процесса и они уже сжились с мыслью о своем падении и о своем новом состоянии, смирились, в своих собственных глазах заранее искупили свое падение перенесенными муками и сейчас смотрели на процесс, как на неизбежную, хотя и тягостную формальность. Тем более, что в возможность смертной казни обвиняемые, повидимому, ни минуты не верили. А в партийных кругах и прямо господствовала уверенность, что о трагическом конце не может быть и речи. Это общее убеждение можно было свести к формуле: раз процесс, то уже ничего

страшного не будет. Напротив, гораздо серьезнее расценивалось положение некоторых лиц, названных на процессе, но на скамье подсудимых не появившихся, т. е., повидимому, несломленных ГПУ. Из них я помню сейчас лишь имя Базарова. Он казался нам тогда обреченным. Центром процесса была, как известно, пресловутая поездка Абрамовича в Советский Союз. «Заграничный» материал, конечно, и в этом случае, как всегда, был подготовлен людьми из той своеобразной категории «левых» европейских интеллигентов, которые, иногда по неизреченной политической наивности, а часто и по побуждениям куда менее почтенного свойства, готовы не за страх, а за совесть выполнять все поручения ГПУ — вплоть до самых грязных (Редакции «С. В.» уже давно известна фамилия одного австрийского журналиста, сыгравшего особую роль в собирании «заграничных» материалов для подготовки «меньшевистского» процесса, но, по некоторым причинам, мы пока не опубликовываем этой фамилии. **Ред.**). Работа этих заграничных агентов ГПУ оказалась ниже всякой критики, да процессы последних лет, с «отелями Бристоль» и полетом Пятакова в Осло, показали, что агенты эти и по сей день ремеслу своему как следует не обучились. В то время, в 1931 году, даже в чекистских кругах открыто говорили, что с «поездкой Абрамовича» вышел полный провал, и что кое-кому за это даже порядком влетело.

На средние партийные круги все дело произвело потрясающее впечатление. Сейчас, после всего, к чему мы привыкли за последние годы, это может показаться мало вероятным, но тогда подлинное чувство отвращения овладело громадной частью партийцев, сохранивших способность хоть сколько-нибудь самостоятельно мыслить. Многие к тому же отдавали себе отчет, что это только начало, и что меч неправосудия занесен уже и над кое-какими коммунистическими головами. Уже тогда называли имена Енукидзе и Рязанова, у которых семьи арестованных меньшевиков всегда находили защиту. И уже тогда начали время от времени называться имена Рыкова и Бухарина, как проводников внутри партии тех внепартийных «правых» теченинй, которые были-де «разоблачены» на меньшевистском процессе. **Ст.**

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ «ЧИСТКИ».

(Матерьялы к сессии Верховного Совета).

Номер наш уже был почти готов, когда пришли последние отчеты о первой сессии Верховного Совета. С обзором работ 1-ой сессии мы должны поэтому повременить до следующего номера «С. В.». Но некоторые матерьялы, освещающие итоги «чистки» как раз в той области, которая непосредственно касается Верховного Совета, мы хотели бы дать уже сейчас.

7-го февраля 1935 года была образована под председательством Сталина так называемая конституционная комиссия для выработки проекта новой конституции. Что сталось с членами этой комиссии?

Первым, еще в начале лета 1935 года пал **Енукидзе.** Сейчас, ретроспективно, стоит напомнить некоторые обстоятельства этого, вызвавшего тогда сенсацию падения. 4-го марта 1935 года в советских газетах появилось сообщение, что ЦИК СССР постановил удовлетворить ходатайство ЦИК Закавказской федерации о предоставлении Енукидзе возможности быть избранным председателем ЦИК'а Закавказской федерации с освобождением его от обязанностей секретаря ЦИК'а СССР. Это привело бы почти автоматически к избранию Енукидзе на пост одного из председателей ЦИК СССР (вместо Мусабекова). Повидимому, это не входило однако в планы Сталина. Перспектива возвышения Енукидзе и была, вероятно, непосредственной причиной постигшей его катастрофы. Некоторое время о Енукидзе ничего не было слышно, не было и сообщения об избрании его председателем ЦИК'а Закавказской федерации; а в конце мая московская телеграмма Гаваса сообщала о падении Енукидзе. Советская печать пыталась еще некоторое время замалчивать этот факт, но, конечно, удержаться долго на этой позиции не могла, и вскоре в СССР стало и официально известно, что бессменный в течение 17 с половиной лет существования Советской республики секретарь ЦИК'а СССР отошел в политическое небытие. Енукидзе был отправлен в почетную ссылку на Кавказ, где был — вероятно, только формально — поставлен во главе курортов. Прошло еще 2 с половиной года, и ничему уже не удивляющаяся, замордованная страна узнала о расстреле Енукидзе, как врага народа и иностранного шпиона.

За это время однако судьбу Енукидзе разделил целый ряд членов конституционной комиссии. Уничтожение их началось много позже падения Енукидзе, когда работа комиссии была закончена и проект новой конституции опубликован. Останавливаться на всех этапах этого болезненного процесса не позволяет место. Подведем его итоги.

Из 30 членов комиссии об'явлены врагами народа, фашистскими шпионами и их пособниками 14 человек. Это прежде всего пять из семи председателей ЦИК'а СССР: **Червяков** — Белоруссия, **Файзулла Ходжаев** — Узбекистан, **Айтаков** — Туркменистан, **Рахимбаев** — Таджикистан, **Мусабеков** — Закавказская федерация. Из семи председателей ЦИК'а, т. е., по их положению, президентов Советского Союза, лишь двое —Калинин и Петровский—спаслись от рокового обвинения.

Рахимбаев, Ходжаев и Мусабеков были одновременно председателями Совнаркома, т. е. по европейской терминологии министр-президентами, в Узбекистане, Таджикистане и в Закавказской федерации. Но в Конституционную комиссию входили еще три председателя СНК союзных республик: **Сулимов** — РСФСР, **Любченко** — Украина, **Голодед** — Белоруссия. Все они разделили судьбу Червякова и Ходжаева.

Кроме этих восьми оказались врагами еще шесть членов Конституционной комиссии: уже названный выше Енукидзе, **Бухарин, Рыков, Уншлихт,** 1-ый секретарь ЦК узбекской КП **Икрамов,** 1-ый секретарь бурят-монгольской КП **Ербанов.**

Да и из оставшихся шестнадцати членов Конституционной комиссии лишь одиннадцать были выбраны в Верховный Совет. А не они ли, казалось, были вернейшими кандидатами в будущий парламент? Неопороченные пока, но неизбранные в Верховный Совет пять членов Конституционной комиссии (Акулов, Бубнов, Красиков, Крыленко, Стасова) уже явно находятся на ущербе, и невольно закрадывается в голову мысль, не ждет-ли и их судьба их 14-ти несчастных товарищей по комиссии?

12-ое ноября было последним сроком подачи в окружные избирательные комиссии заявлений о кандидатах в Верховный Совет. 17-ое ноября было последним сроком опубликования окружными избирательными комиссиями имен кандидатов. Всюду кандидаты были заявлены, имена их опубликованы, все, казалось, было в порядке. Но тут случилось что-то даже в наших условиях почти невероятное. Началась чистка кандидатов.

Их ли не отсеивали? Их ли не проверяли тщательнейшим образом местные органы главного организатора выборов Ежова? И вдруг среди этих вернейших среди верных оказались не один, не два, не три, не десять, а несколько десятков «врагов».

С явным нарушением закона, уже после истечения всех сроков, в некоторых случаях лишь за несколько дней до выборов десятки единогласно выставленных и официально утвержденных кандидатов бесследно исчезли и заменены были другими. Как это происходило, советская печать обычно не сообщала, разве лишь местная печать о своем местном кандидате. Лишь в одном случае мы натолкнулись на соответственное телеграфное сообщение в «Правде» (от 8-го декабря). В Уфе состоялось окружное предвыборное собрание, наметившее кандидатом в Верховный Совет радиста папанинской льдины Кренкеля. Что кандидатом от Уфимского городского округа был раньше выставлен — конечно, единогласно и при всеобщем энтузиазме — **Валерий Межлаук,** зампред Совнаркома и председатель Госплана СССР, на собрании, повидимому, не упоминалось ни одним словом. Если так легко можно было снять человека, занимающего такой высокий пост как Межлаук, то что уж говорить о других? Всего в описанном только что и явно противоречащем избирательному закону порядке заменены были новыми 15 кандидатов в Совет Союза и 20 кандидатов в Совет Национальностей. Среди них, кроме Межлаука, поражает прежде всего устранение замнаркома обороны и начальника военно-воздушных сил **Алксниса** и ряда высших военных чинов: начальника авто-броне-танковых войск РККА **Бокиса,** членов военных советов Харьковского военного округа **Озолина,** Белорусского военного округа **Мезиса,** Закавказского военного округа **Апсе** (все они, как и Алкснис, латыши; это, видимо, симптом общей чистки высших офицеров Красной Армии латышского происхождения), командующего войсками Забайкальского военного округа **Великанова.** Среди прочих устраненных упомянем и. о. председателя ЦИК'а Киргизской СССР **Шамурзина,** наркомвнудела (!), Туркменской СССР **Освальда Нодева** (тоже, повидимому, латыш), наркомзема Киргизии **Абраимова,** и. о. наркомзема Украины **Сидерского,** председателя СНК Татарской республики **Девлетьярова,** предисполкома Марийской республики **Андреева** и т. д. Стоит упомянуть, что в числе устраненных оказался токарь вагонно-колесного цеха паровозо-вагонного завода в Улан-Удэ **Сухотин,** единственный, кажется, среди кандидатов рабочий, не отмеченный как стахановец.

Казалось, вопрос о явно незаконном устранении официально утвержденных кандидатов в парламент должен был бы заинтересовать Верховный Совет. Но в мандатные комиссии Союза Советов и Союза Национальностей не поступило ни одного протеста, ни от избирателей, ни от незаконно отстраненных, а когда дело дошло до доклада мандатной комиссии, ни один из депутатов не проронил об этом беззаконии ни слова. **С. Ш.**

ПАМЯТИ УСОПШИХ

Тереза БЛЮМ

22 января скончалась после длительной и тяжкой болезни тов. Тереза Блюм. В ее лице славный вождь французского и международного социализма теряет не только неразрывно связанную с ним спутницу жизни, но неустанного, энергичного и деятельного сотрудника; французская партия — верного и преданного члена, неизменно сохранявшего, вопреки недугам, бодрость и жизнерадостность; а мы, русские социалдемократы, — искреннего друга, всегда готового придти на помощь.

Заграничная Делегация РСДРП обратилась к тов. Леону Блюму и к французской партии с выражением своего глубокого соболезнования.

В. С. ГОЦ

В лице скончавшейся 8 января в Париже Веры Самойловны Гоц сошла в могилу одна из немногих доживших до наших дней представительниц героического поколения русских народников-революционеров, последние годы своей жизни посвятившая целиком деятельности в политическом Красном Кресте. От имени Заграничной Делегации РСДРП речь над ее могилою произнес тов. Николаевский.

В заседании Парижского с.-д. клуба имени Мартова от 20 января тов. Николаевский подробно очертил биографию покойной, после чего память ее была почтена вставанием.

С. ДЕВДАРИАНИ и Г. МАХАРАДЗЕ

20 января в заседании Парижского с.-д. клуба имени Мартова, после краткого слова Ф. Дана, была почтена вставанием память расстрелянных сталинскими палачами старых социалдемократов, Сеида Девдариани (Сана), бывшего члена Главного Украинского Комитета нашей партии, и Герасима Махарадзе, бывшего члена славной с.-д. фракции 2-ой Государственной Думы.

От редакции. — За недостатком места откладывается до следующего номера статья **А. Югова: Уступки крестьянству.**

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 38 и 39.

Информационный Бюллетень НКТ и ИФА. Барселона. № № 22, 23, 24, 25, 26.

Американские Известия. Детройт. № 1, 2.

Вістник Украiнськоi Громади у Францii. № 66.

Життя i Слово. № 2-3.

Ст. Иванович. А. Н. Потресов. Опыт культурно-психологического портрета. Париж.

Neue Front. N° 1.

Neur Weg. Spanien-Information.

Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien. N° 28, 29.

La Révolution Prolétarienne, № 261, 262, 263.

Independent News, № 17, 18, 19, 20.

Bulletin of the International Institute for Social History. Amsterdam. 1937. Nr. 3.

Deutschland-Berichte der Sopade. № 11, 12.

Paix, Justice, Liberté. Responsable: Jean Bassanesi, Nice. N° 6.

International Review. N° 9.

Mai 36. Bulletin d'informotions. N° 10 et 11.

Der Kampf, N° 1.

Que faire? Janvier 1938.

Trotski. Stalins Verbrechen. Autorisirte Uebersetzung nach dem russichen Manuskript von Alexandra Ramm. Jean-Christophe-Verlag. Zürich.

Nouveaux Cahiers. N° 17. 1-15 janvier 1938.

I. P. I. Informations Pedagogiques Internationales. N° 1.

Prométhée, N° 132, 133.

Salomon Schwarz. Les occupations d'usines en France de mai et juin 1936. Reprint of the International Review for Social History, 1937. Leiden, 1937.

Le Gérant : Paul Colliette — Imp. «Union», 13, rue Méchain, Par